

Юст Юль

ИЗВЛЕК
ИЗ КОПЕНГАГЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА И ПЕРЕВЕЛ
С ДАТСКОГО
Ю.Н. ЩЕРБАЧЁВ

ЗАПИСКИ
ДАТСКОГО
ПОСЛАННИКА
при
**Петре
Великом**
1709—1711

ВЫБОРГЪ

Юст Юль

Записки датского посланника при Петре Великом. 1709–1711

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56278894

Записки датского посланника при Петре Великом. 1709— 1711. / Юль

Юст: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09193-2

Аннотация

В год Полтавской победы России (1709) король Датский Фредерик IV отправил к Петру I в качестве своего посланника морского командора Датской службы Юста Юля.

Отважный моряк, умный дипломат, вице-адмирал Юст Юль оставил замечательные дневниковые записи своего пребывания в России. Это – тщательные записки современника, участника событий. Наблюдательность, заинтересованность в деталях жизни русского народа, внимание к подробностям быта, в особенности к ритуалам светским и церковным, техническим, экономическим, отличает записки датчанина. Так же как и их эмоциональность, оживляющая историю, – в некоторых эпизодах Юль показывает как силу, так и слабость русского императора, ужасается пьяному варварству тогдашнего царского двора, но и восхищается умом,

находчивостью и... хитростью Петра. То же относится к оценкам других исторических фигур, как русских, так и зарубежных.

Записки эти – чтение не простое, но весьма увлекательное. Рукопись была восстановлена и переведена замечательным дипломатом и историком Юрием Щербачёвым в далеком 1899-м году, но представляет большой интерес для любителей истории и сегодня.

Содержание

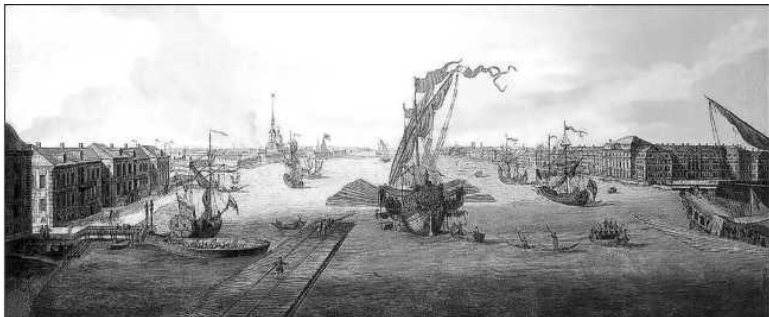
Предисловие	7
Апрель 1709 года	25
Июнь	31
Июль	40
Август	62
Сентябрь	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юст Юль
Записки датского
посланника при Петре
Великом. 1709— 1711

ИЗВЛЕК ИЗ КОПЕНГАГЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА И ПЕРЕВЕЛ С ДАТСКОГО Ю.Н. ЩЕРБАЧЁВ

ПРИМЕЧАНИЯ ЗАИМСТВОВАНЫ
У Г.Л. ГРОВЕ

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

В год Полтавской победы, выдвинувшей Россию как могущественную европейскую державу, король Датский Фредерик IV отправил к Петру I в качестве своего посланника морского командора датской службы Юста Юля. Ему вменялось в обязанность вести во время пребывания в России подробный дневник, к чему он отнесся с присущей ему добросовестностью, оставив для потомков пусть не отличающееся особой широтой взгляда, бесхитrostное, пестрое, иногда непоследовательное, но интересное описание тогдашней России, отобразив, в частности, личности Петра и его сподвижников.

В совокупности дневник обнимает время с 8 апреля 1709 г. по март 1712 г. Юль описывает в нем происшествия и события, в которых он участвовал или на которых присутствовал: свидание в Потсдаме трех королей (прусского, датского и польского), первое свое знакомство с царем в Нарве, торжественный въезд в Москву после Полтавской победы, морской поход Петра под Выборг, бракосочетание герцога Фридриха-Вильгельма Курляндского с царевной Анной Иоанновной, свадьбу карликов, пиры с царем – у себя, у него, у русских сановников, переезды свои по России и по Украине, встречу с Петром под Могилевом после несчастного Турецкого похода, о котором Юль проводит сведения из днев-

ника генерала Алларта, последнее свое свидание с Екатериной в Торне и т. п.

Взглядов Юля на лица и события я здесь касаться не буду. Общим введением к его запискам может служить довольно обстоятельное посвящение их королю самим автором (с. 15–17). Что же до оценки памятника в отношении содержащихся в нем данных о Петровской эпохе, то предоставляю ее историографам.

В настоящем вступлении я приведу только краткие биографические сведения о составителе записок, сообщу относительно их некоторые архивные указания и справки и представлю необходимые библиографические и технические пояснения к предлагаемому изданию.

Юст Юль родился в Виборге, в Ютландии, в 1664 г. Отец его принадлежал к славному роду Юлей, мать была дочерью государственного канцлера Юста Хэга, но семья жила весьма скромно. Воспитывался молодой Юль сначала дома, потом в Кильской академии. Когда он окончил учение, отец, которому, несмотря на протекцию, не удалось определить его в датское министерство иностранных дел, отправил сына за границу служить в иноземных войсках. Первое время он скитался по Фландрии, потом собрался было в Венгрию воевать с турками, но вместо того попал на одно голландское военное судно и в качестве простого матроса совершил два плавания по Средиземному морю (1681–1688 гг.). По возвращении из последнего путешествия он был посажен в Амстер-

даме в тюрьму за какой-то незначительный долг. Вообще, в молодости Юль более или менее бедствовал. Начал он свою служебную карьеру только на родине, куда вернулся вскоре по освобождении из тюрьмы. Поступил на службу в королевский флот; в 1689 г. был произведен в лейтенанты, в 1691 г. в капитаны, в 1697 г. в капитан-командоры, в 1704 г. в командоры, наконец, в 1712 г. – уже после своего посольства в Россию – в вице-адмиралы.

Как видим из записок, в России Юль пробыл с осени 1709 по лето 1711 г. В ноябре этого года в лагере под Штральзундом он представился королю Фредерику. О вторичном отправлении в Россию он «счел за лучшее не ходатайствовать; ибо, – объясняет он, – если б я опять стал стремиться в край, где мне сызнава предстояло бы насильственное спаивание и другие бесчисленные превратности, то это значило бы искушать Бога, столь милостиво сохранившего меня своим промыслом в этой грубой и небезопасной стране». На лично обращенный к нему вопрос короля, желает ли он снова ехать к царскому двору, Юль отвечал, что «не особенно сильно, ибо ему из долгого опыта известно, какие неприятности предстоят ему от пьянства». В конце концов его избавили от этой поездки.

Позднее, через два года, когда снова зашла речь о командировании его в Россию, он поступил откровеннее и, несмотря на уверения тогдашнего русского посла в Копенгагене князя Долгорукова, что сам царь желает иметь его при себе

посланником, без обиняков «принес свое всеподданнейшее извинение» и ходатайствовал перед королем «о всемилостивейшем избавлении его от столь важного поручения».

Нет сомнения, что и в данном случае главной причиной отказа был страх насильственного спаивания, красной нитью проходящий через весь дневник. Во все время пребывания Юля в России между посланником и царем происходило на этой почве что-то вроде нескончаемого поединка, ставшего для Петра забавной комедией, но для Юля, на здоровье которого пагубно отражалось чрезмерное питье, было весьма существенной и печальной драмой. Царь приневоливал, посланник отмаливался, и это влекло то к мелким недоразумениям, то к крупным пьяным размолвкам.

И все же – надо отдать в этом справедливость Юлю – несмотря на нескрываемое озлобление против царя, он отзывался о нем как о великом правителе, которым в России все дышит и движется и направляется к ее славе и благу.

Таким образом, после своего посольства Юль более в Россию не возвращался, однако с Петром ему пришлось еще раз свидеться.

22 августа 1712 г. царь, которого Фредерик IV назначил главнокомандующим над своими морскими силами, прибыл на датский флот, стоявший в то время у Померанского берега под Пертом. Автор жизнеописания Юля, N. Jouge, из книги коего (*Den Danske Vice-Admiral Just Juels Liv og Levnets Beskrivelse*, Kobenhavn 1755) мы почерпаем вышеприведен-

ные биографические сведения, сообщает об этом приезде царя следующее: «Когда царь вступил на корабль генерал-адмирала Гюльденлеве „Слон“ (Elephant), с каждого корабля произведен был салют в 27 выстрелов и флагманы расцвелись всеми своими сигнальными флагами. Таким образом на флоте царю оказан был такой же почетный прием, как высокой особе самого короля. Царь спрашивал раньше, не могли ли бы эти знаки почета быть оказаны ему, пока он еще находится на своем фрегате, привезшем его ко флоту из Nieuwdier'a, куда первоначально прибыл его величество. Но этого оказания почета царю не удалось добиться, прежде чем он не вступил на датский адмиральский корабль. Пока его царское величество находился на флоте, он ежедневно бывал на судне у генерал-адмирала Гюльденлеве, а также разъезжал кругом, туда и сюда, осматривая другие военные корабли. Но всякую ночь царь оказывал вице-адмиралу Юсту Юлю милость, спал на вверенном ему корабле „Морская царица“⁴¹ (Navfruen). 25 августа, по требованию царя, вице-адмиралу Юсту дано было приказание подвезти его величество на „Морской царице“, под королевским флагом и вымпелом на грот-мачте, на несколько миль ближе к берегу, какое приказание вице-адмирал и исполнил в тот же вечер. Затем, переночевав еще раз на „Морской царице“, царь отбыл утром обратно в Nieuwdier на одном из своих фрегатов».

Ближайшие подробности этих последних встреч между царем и Юлем до нас не дошли, но, верно, и тут не обошлось

без попок.

Очевидец повествует о следующем любопытном случае, относящемся к тому же 1712 г. и рисуящем Юля как храброго, преданного своему долгу моряка:

«Шведский военный флот, состоявший из 25 судов, вышел в море. Датский флот, в 16 судов, направился к Драгэру и стал там на якорь в расположении, выгодном для встречи неприятеля, находившегося на виду у датчан, но не решавшегося их атаковать. Однажды утром вице-адмирал Юль, командовавший „Морской царевной“, был вызван на адмиральский корабль для военного совета. И вот, в его отсутствие, во время богослужения, когда, по обыкновению, вся команда стояла наружи, снизу, как бы из круткамеры, к общему ужасу, стал подниматься густой дым. Люди разбежались в разные стороны; пастор прервал проповедь; всех охватил смертельный страх; никто не хотел ни приказывать, ни повиноваться: матросы взбежали на марс, на реи, на бугшприт или сели в ал и шлюпки, тали которых затем отрезали. Тут как раз вернулся вице-адмирал. Взойдя на палубу и увидев, что на судне пожар, он тотчас же бестрепетно спустился вниз, туда, откуда шел дым. Никто не решился за ним последовать. Перед тем как спуститься, вице-адмирал Юль, дабы не привести в замешательство весь флот – к тому же на виду у неприятеля, – отменил данное им было приказание поднять сигнал о помощи. Когда вскоре затем он вернулся, все уже было потушено. Из рассказа его мы узнали следую-

щее. Один боцман, воспользовавшись временем богослужения, спустился в трюм воровать водку и зачерпнул ее из бочонка, но затем неосторожно просунул в отверстие бочонка свечу, чтобы посмотреть, не осталось ли еще водки; тогда водка вспыхнула и пламя стало выходить из отверстия. Желая потушить огонь, боцман сначала накрыл отверстие своей шапкой; потом, когда шапка сгорела, курткой; но не помогла и куртка, так как не отняла у пламени воздуха. В конце концов сам он сел на отверстие, но штаны его тоже загорелись. Тогда он прибег к последнему средству: опрокинул бочонок, и горящая водка, которой уже оставалось немного, вытекла в песок, в трюм, после чего сама собой погасла. Когда адмирал спустился к боцману, огонь уже потух. По словам адмирала, одна лишь тонкая доска отделяла пламя от круткамеры. Следовательно, как для короля, так и для нас, бедных людей, великим счастьем было то, что боцман оказался, если можно так выразиться, благоразумным и честным вором; ибо если бы он ушел из трюма, что ему сделать было нетрудно, то, ведая опасность, он спасся бы первым, а корабль и команда, несомненно, взлетели бы на воздух. Боцман был приговорен к смерти, но покойный адмирал Юль лично ходатайствовал у его величества отмену смертной казни»¹.

Юль пал славной смертью в морском сражении со шведами, под Ясмундом, в 1715 г. В донесении об этой битве ад-

¹ Rasmus Ereboes Autobiografi, 169–173.

мирал Рабен заявляет, что король потерял в нем одного из лучших флагманов своего флота. Неприятельское ядро, поразившее Юля, повешено над его могилой в Роскильдском соборе.

Женат он был на девице Эделе Биелке, прожил с нею, впрочем, недолго (с 1702 по 1706 г.): она скончалась через несколько месяцев после рождения у них дочери.

Завещанный нам Юлем дневник представляет собою не первоначальные каждодневные наброски – тех не сохранилось, – а записки, приведенные в известную систему уже по возвращении Юля из России. Чистовая копия, сделанная для короля известным в то время переписчиком Магнусом Дрейером, утрачена. Остался только черновой экземпляр. Хранится он в Копенгагенском государственном архиве. По наружному виду это довольно объемистая рукописная книга в лист, озаглавленная на корешке «*lust luels Ambassade i Russland 1709–1711*» и писанная от начала до конца почерком личного секретаря Юста Юля, Расмуса Эребо, с весьма многочисленными вставками и поправками рукой самого автора.

Расмуса Эребо Юль нанял специально для предстоявшей поездки в Россию – «ибо искал человека, умеющего бегло говорить и писать по-латыни».

Рано лишившись родителей и предоставленный собственным средствам, Эребо выказал большую энергию в пресле-

довании заветной мечты – стать образованным человеком. Испытывая голод и холод, он усердно учился сначала в Датской и Латинской школах, затем в университете. Пройдя курс богословия, он стал искать места священника и уже собирався ехать в качестве «корабельного пастора» в Ост-Индию, «чтобы иметь кусок хлеба или умереть», как вдруг получил должность у Юля и, «к своему удивлению», стал не духовным лицом, а светским человеком.

Если систематизированный дневник писан его почерком, то есть основания предполагать, что и утраченные первоначальные записи или по крайней мере значительная их часть были введены им по указаниям Юля либо писаны под его диктовку. Посвящая в 1726 г. свой труд, «Русское законодательство»², королю Фредерику IV, Эребо в своем введении упоминает о «*наших* (то есть Юля и его) веденных в России ежедневных записях и о дневнике, копию с коего его величество получил уже несколько лет тому назад, каковой (дневник) я, недостойный, *равным образом* составил и собрал по приказанию и под надзором покойного г. посланника Юля».

Мало того что Эребо писал дневник Юля, он, несомненно, участвовал и в самом его составлении. Указанием на это может служить подробное описание происшествий, свидетелем коих был он один, весьма обстоятельные отчеты о право-

² Хранится в рукописи в Большой королевской библиотеке в Копенгагене, Thottske Sami. № 347. Fol. См. En Rejse til Rusland under Tsar Peter и проч, ved Gerhard L. Grove, Kobenhavn, 1893 г., с. III.

славном богослужении и обрядах нашей церкви – предметы, на которые как богослов он должен был обращать особенное внимание, – вставки русских слов и заметки о русском языке, которого сам Юль не знал, и т. п.

Впоследствии, вернувшись из поездки со своим господином, Эребо совершил еще два путешествия в Россию, уже самостоятельно, одно – в 1712 г. в Ригу, чтобы привезти из России обратно в Данию людей и вещи Юля, другое – в 1714 г. – в Петербург и Финляндию, для доставления важного письма от короля к царю. В 1714 г. ему представился было случай попасть к нам и в четвертый раз, уже в качестве штатного секретаря датской миссии в Петербурге. Но, будучи в то время только что назначен публичным нотариусом в Копенгагене, он отказался от места в России, ибо предпочитал «верный и спокойный хлеб неверному и неизвестному».

Путешествуя с Юлем, Расмус Эребо, помимо его дневника, вел еще и свой собственный. Теперь последний, к сожалению, утрачен. Зато до нас дошла любопытная автобиография Эребо. Выдержки из нее, касающиеся всех трех его путешествий в Россию, помещаются в конце настоящей книги, в числе приложений³.

³ Об изданиях автобиографии Эребо см. примеч. 2 к с. 21. Пользуемся изданием г. Грове. Принял я решение приложить эти выдержки, когда печатание настоящей книги уже приходило к концу. Этим объясняется присутствие некоторых ссылок на автобиографию, являющихся теперь излишними. Дополнительные биографические сведения о Расмусе Эребо см. в том же примеч. 2 к с. 21.

Записки Юля я перевел с рукописи Копенгагенского архива зимой 1890/91 г.; в 1892 г. они были напечатаны в «Русском архиве» (в книжках 3, 5, 7, 8, 9, 10 и И) и таким образом впервые обнародованы на русском языке. Уже позднее, в конце 1893 г., появилось прекрасное издание их в датском подлиннике, под заглавием «En Rejse til Rusland under Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af viceadmiral Just Juel, Dansk Gesandt i Rusland, 1709–1711» («Путешествие в Россию в царствование Петра, дневник вице-адмирала Юста Юля, датского посланника в России 1709–1711 гг.»), с обстоятельным предисловием, историческими примечаниями, указателем и множеством интересных политипажей и гравюр в тексте. Потрудился над этим изданием секретарь Копенгагенского государственного архива Г.Л. Грове (Gerhard L. Grove), упоминавший о дневнике Юля еще в 1889 г. в примечаниях к автобиографии Расмуса Эребо и указавший на них в конце 1891 г. в особой статье «Traek fa Peter den Srotes Liv, fra en samtidig dansk Gesandts utrykte Dagbog» («Черты из жизни Петра Великого, из неизданного дневника датского посланника его времени»), напечатанной в «Скандинавском временнике наук, искусств и промышленности» (Nordisk Tidsskrift for Vetenskap, Konst och Industri).

Ввиду сокращений, допущенных – частью мною самим, частью редакцией – при печатании перевода записок Юля в русском архиве, я еще до выхода в свет датского подлинника решил приступить к новому русскому их изданию, без

малейших пропусков, в том виде, в каком я их первоначально перевел⁴. Вследствие разных случайных замедлений издание это окончено лишь теперь. Заключает оно в себе записки Юля в неприкосновенной их целости⁵ и ввиду некоторых пропусков в книге г. Грове является пока единственным совершенно полным их изданием⁶.

⁴ См.: Московские ведомости. 1893. № 272, 273, 274 и 334.

⁵ В «Русском архиве» текст их занимает 215 страниц.

⁶ У г-на Грове опущено: 1) описание сравнительной длины разных локтей (зеландского, брабантского, голландского, нарвского, рижского, ревельского и других), русского аршина, английского ярда и «нарвской меры, на которую продают полотно» (графическое изображение разницы этих мер в отношении зеландского локтя, то есть датского алена). 2 и 3) Отчет о торжественной «извинительной» аудиенции у царя английского посла Витфорта (с. 146–148) и договор, заключенный между голландскими купцами в Архангельске в 1708 г. (с. 281–294). Как указывал сам Юль, оба эти документа были в свое время напечатаны, первый на разных языках, второй на голландском; но я думаю, разыскание их в настоящее время представило бы для читателей немалые затруднения; между тем по содержанию они прямо касаются предмета записок. 4 и 5) Рукописный и гравированный планы Прутского сражения. У г-на Грове они приведены в столь мелких полнотажах, что никаких надписей на них прочесть нельзя; в таком виде они, конечно, не имеют значения. Рукописный план помещен у меня на с. 340, а гравированный, не представляющий органической части самого дневника, в приложениях (см. после с. 443). 6) Подробный перечень официальных бумаг, сданных Юлем по возвращении из России в датское министерство иностранных дел. Перечень этот может служить драгоценным указанием для того, кто захотел бы дополнить бытовые записки Юля политическими данными из Копенгагенского архива. 7) Переписка Юля с русскими министрами, касающаяся не доплаченных ему суточных, а также пожалования ему царского портрета с бриллиантами и соболей, не лишенная интереса для русских читателей. Остальные (весьма немногие) отсутствующие в датском издании документы существенного значения не имеют (проездной лист Юля, см. примеч. 2 к с. 54, отпускная грамота Петра Юлю

Как указано на заглавном листе, примечания к моей книге заимствованы из труда г-на Грове. При этом некоторые из них – главным образом касающиеся русских деятелей, русских обычаев, вообще России – рассчитанные их автором на датскую публику, несколько изменены и частью дополнены (при обязательнейшей помощи С.А. Белокурова, оказавшего мне вообще неоценимое содействие в деле настоящего издания).

В приложениях, кроме упомянутых выдержек из автобиографии Расмуса Эрбе и гравированного плана Прутского сражения (с объяснениями), помещаются также немецкий оригинал и русский перевод инструкции, которой снабжен был Юль при отправлении своем в Россию. Немецкий текст перепечатан из издания г. Грове. Оригиналы инструкции хранятся в копенгагенском архиве.

В тексте книги в круглые скобки (...) заключены слова, отсутствующие в подлиннике, но дополняющие в русской речи его смысл. В прямые [...] поставлены слова, пропущенные в оригинале по недосмотру. Скобки же, имеющиеся в оригинальном тексте, перенесены в мой перевод с двоеточиями (:...:).

Курсивом напечатаны слова и выражения, значащиеся в

– с. 379, расписка Хагена в получении сданных ему Юлем официальных бумаг с их перечнем – с. 385–386). Что до моей книги, то в ней приведен только факсимиле вписанной Расмусом Эрбе в дневник русской и славянской азбуки, как не представляющий для нас, русских, интереса (воспроизведена у г. Грове в малом масштабе на с. 320–322; у меня о ней упоминается в примечаниях к с. 253).

датской рукописи по-русски. В подлиннике они написаны по большей части русскими и лишь в редких случаях латинскими буквами.

Ю. Щербачев

Константинополь, Май 1899 г.

Могущественнейший всемилостивейший наследственный государь и король⁷!

Всемилоостивейшая инструкция, данная мне вашим королевским величеством, (в то время) как (вы) посылали (меня), в качестве чрезвычайного посланника, к его царскому величеству, предписывала мне, между прочим, вести, в течение моего путешествия, исправный дневник и, по возвращении в отечество, представить оный (вашему королевскому величеству). Всеподданно исполняя (сие) всемилостивейшего вашего королевского величества приказание, повергаю ныне этот дневник, веденный мною во время поездки в Россию и обратно, к стопам вашего королевского величества.

Принял он большие размеры по той причине, что я не хотел ограничиться происходившим в России, а записывал равным образом и то, что случалось со мной по пути туда и обратно, в других странах.

Если бы я составлял этот труд для удовлетворения моей собственной или чужой любознательности или если бы я имел в виду посредством печати сделать его (достоянием)

⁷ Фредерик IV (1699–1730).

всеобщим, (то) я, конечно, прибегнул бы к некоторой осторожности и выключил бы из него те (места), в коих царь и его подданные рисуются в красках мало привлекательных; ибо, если б настоящий дневник дошел до сведения царя, он, я уверен, пожаловался бы на меня вашему королевскому величеству, (обвиняя меня) в намеренном посрамлении русской нации, так что, быть может, за мои труды меня ожидала бы только неприятная награда.

Но дневник этот, как сказано, я писал единственно во исполнение нарочитого всемилостивейшего приказанья вашего королевского величества, а потому я и не колебался отмечать в нем как достойное хулы, так и достойное похвалы: мне казалось непростительным скрывать от вашего королевского величества правду. К тому же для вашего королевского величества, как и для всякого (другого) правителя, весьма важно быть осведомленным об особенностях двора, о населении и условиях того края, куда (посылается) для переговоров (известный) посланник, так как при этом представляется возможность (сообразуясь с имеющимися данными) принять те или другие полезные решения, которые в противном случае (приняты) не были бы. Так, я уверен, что если бы, до заключения союза с царем, ваше королевское величество имели точные сведения о русских (и о том), насколько можно на них положиться, особенно в делах денежных, то сведения эти, без сомнения, послужили бы к немалой пользе и выгоде (для Дании).

Я далек от мысли выдавать настоящий дневник за полное описание России, ибо для подобного труда нужно (бы) основательное знание русского языка и многолетнее спокойное пребывание в (этой) стране. Могу только сказать (одно), что я записал все, что мне было возможно (записать, но при том записал) лишь то, что я, по вполне достоверным сведениям, считал за истину. Более подробные исследования (о России) не представлялись для меня возможными ввиду краткости моего там пребывания (и того, что) большую часть времени (я) провел в поездках туда и сюда, (обстоятельство), служившее немалою помехой для точных обо всем расспросов и исследований.

Если многое во этом дневнике стоит не в том порядке, в каком оно занесено в черновые (наброски), с которых (настоящий дневник) списан, то случилось это по той причине, что (хотя) в течение моего пребывания в России я (и) заносил все (происходившее) под теми днями, в которые был тому свидетелем или о том узнавал, – здесь, в той чистовой копии, (однородные заметки) иногда собраны вместе, дабы имеющее взаимную связь не было слишком широко разбросано.

Да не примет ваше королевское величество во гневе, что настоящий дневник, столь поздно изготовленный, представляется (вам лишь теперь). Случилось это не вследствие какого-либо с моей (стороны) промедления, но по той причине, что часть дневника, по 29 мая 1711 г., осталась в числе про-

чих моих вещей в Москве, после того как я оттуда выехал, чтобы сопровождать его царское величество в поход против турок, а так как вашему королевскому величеству благоугодно было всемилостивейше отозвать меня (из России) 21 декабря того же года, (в то время как я находился) в лагере под Штральзундом, то (дневник свой) я получил, вместе с прочими моими вещами, лишь весной 1713 г., на родине, в то время как (уже) готовился выйти в море с флотом вашего королевского величества. Ввиду сего (последнего обстоятельства) я должен был отсрочить приведение в порядок и переписку начисто этого обширного труда, до моего возвращения из плавания, (то есть) до конца ноября того же года. Таким (образом), мне не представилось возможности (приняться за) обработку дневника прежде (наступления) истекшей зимы. С другой стороны, я не (мог) окончить этот (труд) ранее (и) вследствие (участия в) различных военных советах, (а равно) и вследствие других даваемых мне время от времени поручений по службе вашего королевского величества.

В заключение пожелаю, чтобы ваше королевское величество всемилостивейше нашли удовольствие в (чтении) настоящего дневника. Вместе с тем всеподданнейше благодарю ваше королевское величество – во-первых, за то милое доверие, которое (вы) выказали (к) моей преданности, возложив на меня важную должность чрезвычайного посланника при царском дворе без всякого моего о том непосредственного или через других лиц ходатайства, а во-вто-

рых, за то, что ваше королевское величество, по собственной (своей) королевской милости, (тоже) безо всякой моей о том просьбы, непосредственной или через других лиц, всемилостивейшие (отрешили) меня от этой должности, отозвав на родину.

От (всего) сердца желая и всеподданнейше испрашивая себе продолжения высокой милости и благосклонности вашего королевского величества, остаюсь с наиглубочайшим всеподданнейшим (почтением) телом и кровью вашего королевского величества.

[подписи нет]

Апрель 1709 года

8 апреля их превосходительства тайные советники Отто Краббе и Христиан Сехестед⁸, коим на время отсутствия короля, (отправившегося) путешествовать в Италию, было всемилостивейше поручено управлять (на) общее благо (государством), приказали мне немедленно явиться в королевскую ратушу⁹. Я тотчас же туда отправился и застал (их) там. Они сообщили мне, что получили от короля всемилостивейшее послание – предложить мне ехать, в качестве его чрезвычайного посланника, к его царскому величеству. На столь неожиданное предложение я не мог отвечать сразу, а потому почтительнейше попросил упомянутых гг. тайных советников предоставить мне несколько дней на размышление, (но) в то же время выразил всеподданнейшие (чувства) признательности за доверие, которое его королевскому величеству

⁸ Otto Krabbe (р. в 1641, ум. в 1719) и Christian Sehestedt (р. в 1666, ум. в 1749), будучи в то время членами Тайного совета, получили от короля указания (инструкция от 9 ноября 1709 г.), как им, в качестве «остающегося Совета» заведовать, во время заграничного путешествия короля, «иностранными и внутренними делами». Впрочем, Сехестед, как главный секретарь «Немецкой канцелярии», тогдашнего датского министерства иностранных дел, имел и ранее немаловажное влияние на дипломатические вопросы.

⁹ (Raadstuen). Тут идет речь о Raadstuen for Slottet, особом небольшом здании перед королевским дворцом в Копенгагене. Здание это составляло принадлежность дворца.

угодно было всемилостивейше мне выказать, признав за благо назначить меня на такую важную должность. Так как названные сановники изъявили желание получить от меня ответ на столько своевременно, чтобы мог послать его к его королевскому величеству с первой же почтой, то на обсуждение вопроса и на совещание с друзьями я выговорил себе всего один день.

Затем, когда я, с одной стороны, взвесил (неприятности), ожидавшие меня среди народа еще грубого и неотесанного, (и) опасности столь дальнего и трудного путешествия, а равно расстройств здоровья, (неизбежного) при дворе, где чрезмерное пьянство в таком ходу, что нет возможности от него избавиться, (когда), с другой стороны, (я принял в соображение), что долг каждого подданного – быть всегда готовым к служению своему государю, в особенности когда дело касается столь важного и многозначительного поручения, как в данном случае, в переживаемые нами времена¹⁰, моя покорность и всеподданнейшая любовь ко всемилостивей-

¹⁰ Времена были действительно беспокойные. В Европе воевали почти всюду. На юге и западе шла борьба за испанское престолонаследие, в которой участвовали, с одной стороны, Испания, Франция и Бавария, с другой – Австрия, Англия, Нидерланды, Португалия и Савойя. Мало того, что все эти державы воевали между собой – другие, в сущности непричастные государства, как, например, Дания, посылали им вспомогательные войска. На востоке и на западе велась война между Швецией и Россией, а Дания и Польша, которых в начале Северной войны Швеция принудила к миру, сгорали желанием при первом же удобном случае возобновить враждебные действия, вернуть утраченные провинции и отомстить за свое унижение.

шему моему государю одержали верх над всеми соображениями об опасностях и трудностях (путешествиях), и 9 апреля, явившись опять в королевскую ратушу к гг. тайным советникам, я отвечал им, что, согласно высочайшей воле моего короля и государя, готов ехать по его поручению к царю (и) что (при этом) не хочу, по примеру других лиц, делавших это до меня, ставить, прежде чем принять сию должность, какие-либо условия о вознаграждении (меня) по моем возвращении из (России), а предоставляю то милости(вому) усмотрению самого короля. Лишь об одном прошу гг. тайных советников – всеподданнейше ходатайствовать от моего имени пред его королевским величеством (о том, чтобы он) благоволил не оставлять меня в России на долгое время и назначить мне судно для переезда меня, моих людей и вещей в Архангельск.

Тайные советники обещали всеподданнейше довести обо всем этом, с первой же почтой, до сведения (короля, но) вместе с тем предложили мне приготовиться, в ожидании ответа, к путешествию в Россию, чтобы я, по получении моих кредитов, мог выехать немедленно. Они распорядились также насчет выдачи мне 1000 ригсдалеров в кронах на закупку необходимого для путешествия – (суммы), обыкновенно выдаваемой тем, кто посылался таким образом, как я. Согласно всемилостивейшей воле его королевского величества, было равным образом (приказано) командор-капитану Тамбсену

привести в готовность транспортное судно *Faerøe*¹¹ для доставления меня в Архангельск.

Мне объявили также, что как посланник я буду получать годовое содержание в 3000 ригсдалеров кронами и что (жалованье) это будет мне производиться с того дня, как я выеду из Копенгагена, и по тот день, как я туда возвращусь. Сверх того, я должен был получать по 10 ригсдалеров *in specie* [в сутки] от его царского величества – со дня выезда моего в пределы царских (владений) и по день выезда моего из них. (Суточные эти производились мне) в силу договора, заключенного на сей предмет между Данией и Россией в 1684 году¹². По (договору этому) царь, в своем государстве, должен был также предоставлять мне даровые подводы, даровую квартиру, дрова, свечи и воду.

Помимо этого, за все (время), пока я сопровождал царя в

¹¹ Otto Jacob Thambsen, вышедший в 1719 г. в отставку шаутбенахтом, командовал во время Северной войны разными судами. Из Нарвы, куда Тамбсен, после приводимых ниже придинок со стороны шведов, перевез Юля, этот последний писал Сехестеду, что не умеет высказать, как доволен поведением Тамбсена, и прибавлял, что в лице его король имеет такого хорошего и способного офицера, о каком только может мечтать. В 1715 г., в морском сражении у берегов Померании, на долю Бамбсена выпало принять на корабль *Justitia*, начальствование после Юста Юля, убитого в этом сражении пушечным ядром (см. Rasmus Aereboes *Autobiografi, udgivet af G.L. Grove, Kjøbenhavn, 1889*).

¹² Договор от 10 августа. См. «Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене» (1326–1690 гг.) Ю.Н. Щербачева и Русскую историческую библиотеку, том XVI «Русские акты Копенгагенского государственного архива, собранные Ю.Н. Щ.» № 183, столбцы 911–920, где памятник этот приведен целиком.

походе или в путешествии за Москвой¹³, (из казны) его королевского величества выдавалось мне добавочное содержание по 10 ригсдалеров кронами в день.

Когда (все) это было решено и я написал к его королевскому величеству всеподданнейшее (письмо, в котором) благодарил его за то, что он, безо всякого с моей стороны ходатайства, непосредственного или через третье лицо, избрал меня на эту должность, (и заявлял), что принимаю оную, единственно чтобы выказать мою всеподданнейшую покорность (и) намерение вести себя так, как следует и приличествует честному верноподданному.

При этом я предложил королю, чтобы со мной, в качестве королевского секретаря миссии, ехал г-н Петр Фальк¹⁴, ибо находившийся в то время в Москве секретарь миссии г-н Скоубо¹⁵ потребовал, чтобы его отозвали одновременно

¹³ Южнее Москвы?

¹⁴ Peter Falk по отозвании Юля был аккредитован, в течение довольно долгого времени, при русском дворе в качестве поверенного в делах; по возвращении на родину он назначен (в 1716 г.) президентом в Христианию, где умер в 1720 г. в звании юстиц-советника. Одна рукопись университетской библиотеки в Христиании (Klokker Hass's „Aereog Eftermaele“) характеризует его, как «сведущего в законах, всеми любимого и уважаемого человека» (см. Rasmus Aereboes Autobiografi).

¹⁵ Christian Schoudoe (р. в 1686, ум. в 1736) – сын Енса Христенсена, бургомистра в Оденсе; 2 декабря 1704 г. назначен секретарем датской миссии в Москве; по возвращении на родину добивался разных должностей, но лишь в 1713 г. получил место окружного вице-судьи в Фиопии; в следующем году назначен окружным судьей там же. В 1716 г. женился на Шарлотте Амалии Раш (Charlotte Amalie Rasch), дочери известного копенгагенского полицеймейстера Клауса Раша из Ра-

с пребывавшим в Москве королевским чрезвычайным посланником, статским советником Грундом¹⁶.

Затем я стал нанимать людей и делать заказы (по части) экипажей, сбруи, платья и прочего. К середине июня все было готово, корабль «Ферэ» также. Нанял я и письмоводители или секретаря для личной моей переписи, студента Расмуса Эребо¹⁷.

шенборга (Claus Rasch til Raschenborg).

¹⁶ Georg Grundt, или, вернее, как он сам подписывался, Grundt, в молодости несколько лет путешествовал за границей с принцем Карлом Датским и с Христианом Гюльденлеве, незаконным сыном Христиана V; в 1704 г. назначен во вновь учрежденную Коммерц-коллегию; с 1705 по 1710 г. был чрезвычайным посланником при русском дворе; вернувшись в отечество, исполнял, во время чумы, крайне трудные обязанности председателя Копенгагенской санитарной комиссии. Потом назначен окружным фойгтом в Бредстедте и членом Готгорпского апелляционного суда. Умер в 1729 г. (см. Rasmus, Aereboes Autobiografi).

¹⁷ Rasmus Aereboes (р. в 1685, ум. в 1744) – бедняк, сын свендборского шкипера, только что окончивший к тому времени свое образование; в детстве и юности испытывал голод, нужду и многие другие лишения. Местом секретаря у Юля, открывшим ему поприще, о коем он, как студент богословия, не мог и мечтать, Эребо обязан своему знанию латинского языка. После путешествия с Юлем, описанного в настоящей книге, он побывал в России еще дважды – в последний раз прошел туда из Дании в открытой лодке; затем по возвращении на родину, вероятно вследствие его знакомства с иностранными языками, Эребо назначен копенгагенским общественным нотариусом (Notarius Publicus), а добивался он лишь места священника. Многочисленные превратности своей жизни он описал в своей автобиографии, которая впоследствии была издана (в 1862 г.) доктором философии Вурман-Бекером (Wurman-Becker), а затем (в 1889 г.) Г.Л. Грове (с портретом автора и объяснительными примечаниями). В качестве личного секретаря Юста Юля Эребо писал (или, по крайней мере, собственноручно перебивал) его дневник и, несомненно, во многих отношениях повлиял на самое содержание его (см. предисловие).

Июнь

17-го С¹⁸. Когда транспортное его королевского величества судно «Ферэ», под командой командор-капитана Тамбсена, было (уже) готово и вещи мои погружены для переезда в Архангельск, их превосходительства королевские тайные советники Отто Краббе и Христиан Сехестед получили от короля приказание изменить мой (маршрут так), чтобы вместо Архангельска я, в самый день (получения этого приказания), ехал в Бранденбург, в Потсдам, за дальнейшими повелениями, а чтобы корабль с моими людьми и вещами шел тем временем в Пиллау и там ожидал меня.

Вместе с приказанием мне ехать гг. тайные советники с той же почтой получили от его королевского величества заверение, что пробуду я в России не дольше трех лет, а равно и согласие (короля) на отправление со мной в Москву г. Петра Фалька в качестве секретаря (датской) миссии.

Во исполнение вышеуказанной воли его королевского величества я пустился в путь в этот же вечер, в 7 часов, и прибыл в Роскильде в И ч.

18-го ♂ проехал через Рингстед, Слагельсе, Корсёр, Вельт, Ньюборг и в 10 часов вечера прибыл в Одессе.

¹⁸ Астрономические знаки, сопровождающие число месяца, означают: ☉ (солнце) – воскресенье, ☾ (месяц) – понедельник, ♂ (Марс) – вторник, ☿ (Меркурий) – среда, ♃ (Юпитер) – четверг, ♀ (Венера) – пятница, ♆ (Сатурн) – суббота.

19-го ♀ проехал через Асенс, (перебрался) через Малый Вельт, через Хатерслебен и вечером (прибыл) в Фленсбер.

20-го ♀ проехал через Рендсбург и Нцехо.

21-го ♀, в 7 ч. утра прибыл в Гамбург. (Тут) остановился на короткое (время) для свидания с королевскими агентами де Гертоге¹⁹ и с резидентом его королевского величества, статским советником Хагедорном²⁰; затем в тот же вечер (продолжал) путь в Потсдам и прибыл в Эшебург.

22-го ♀ проехал в Бойценбург, Любтен и Ленцен.

23-го ☉ проехал Перлебург, Кюриц и Фербелин.

24-го ☾ проехал Науен и около 10 часов прибыл в Потсдам.

Таким образом, путешествуя днем и ночью, я, благодарение Богу, благополучно совершил этот 90-мильный переезд в 6 дней и 7 ночей.

¹⁹ 24 декабря 1689 г. Iohann Baptista и Wilnelm de Herthoge назначены королевско-датскими факторами и агентами в Гамбурге. По их должности им вменялось в обязанность зорко следить за всем представляющим за границу интерес для Дании и обо всем подобном своевременно доносить в Немецкую канцелярию, кроме того – пересылать по назначению письма от датского правительства к датским посланникам и иностранным державам и vice versa, а также исполнять денежные и другие поручения главного королевского казначея, которому названные факторы имели представлять счета (см. назначения, Bestellungen, в патентах (Patenter) Немецкой канцелярии в Копенгагенском Государственном архиве).

²⁰ Hans Stadius von Hagedorn (р. в 1668) – назначен 4 октября 1702 г. датским резидентом в Нижне-Саксонский округ, умер (в 1772 г.) в звании конференц-советника в Гамбурге. Поэт Фридрих фон Хагедорн был его сыном от Анны Марии, рожденной Шумахер (смерти его *gesammelte Werke*, изданные Эшенбургом в Гамбурге, 1800 г., часть 4).

Не найдя в Потсдаме помещения, я велел доложить о себе королевско-прусскому гоф-фурьеру, который (и) и отвел мне (квартиру).

Я думал застать его королевское величество в Потсдаме, но (здесь) узнал, что он еще пребывает в Дрездене у короля Польского Августа²¹; о том, когда мой все милостивейший государь и король и короли Прусский²² и Польский съедутся, как было условлено, в Потсдаме – толковали неопределенно.

Дабы узнать обстоятельнее, что мне делать в Потсдаме, должен ли я там оставаться или нет, я написал к их превос-

²¹ Фридрих-Август, или Август Сильный (р. в 1670, ум. в 1733) – король Польский и курфюрст Саксонский, сын Иоганна-Георга Саксонского, и принцессы Датской Анны-Софии, сестры короля Датского Христиана V, следовательно, двоюродный брат Фредерика IV Датского. В описываемое время Фридрих-Август, пригласивший короля Фредерика на возвратном пути из Италии посетить его в Дрездене, с величайшей пышностью праздновал это свидание. В течение нескольких дней длились блестящие процессии с волшебной обстановкой в стиле рококо. Специально для этих процессий построен был целый дворец. Он был деревянный, окрашен в зеленый цвет и занимал обширную площадь. В Дрезденском королевском собрании гравюр (Kupferstichsammlung) хранятся красивые современные раскрашенные от руки изображения этих любопытных процессий. Теперешний Дрезденский каменный цвингер построен на месте старого деревянного дворца совершенно по тому же плану (за исключением одного лишь флигеля). Таким образом, это прекрасное сооружение, заключающее всемирно известные дрезденские собрания, обязано своим возникновением посещению Дрездена датским королем Фредериком IV.

²² Фридрих I Прусский, или Фридрих III, курфюрст Бранденбургский (р. в 1657, ум. в 1713), сын великого курфюрста, лишь за 8 лет пред тем, разными уступками императору германскому, добился переименования Прусского герцогства в королевство.

ходительствам тайным советникам Ленте и Вибе²³, находившимся в свите его королевского величества в Дрездене, и согласно высочайшему королевскому повелению известил их о своем приезде в Потсдам.

(По распоряжению) его величества короля Прусского между Гамбургом и Потсдамом учреждены для путешественников (две) почты, обыкновенная и чрезвычайная. Обыкновенная ходит два раза в неделю, (едущие с ней) лица платят каждый два (серебряных?) гроша (goede grosken) с мили; в счет этой платы путешественник может вести с собой 50 ф. (багажа); за все, что он везет свыше этого веса, платится особо. По желанию можно пользоваться и чрезвычайной почтой, причем за лошадь и милю платится один дриттель. Два лица, путешествующие (вместе), имеют право везти с собой (без приплаты) 200 фунтов (багажа) и не обязаны платить более чем за две лошади. Если путешествуют совместно трое или несколько человек, то они платят за три или за несколько лошадей, смотря по объему и тяжести багажа. При каждой перепряжке вагенмейстер получает за труды два (серебряных?) гроша (и) из (этих денег) платит королю Прусскому по грошу с ригсдалера, каковой (сбор) вносится в почтамты. Со своей стороны почтальоны (так называются

²³ Тайные советники военный обер-секретарь Christian Leute (р. в 1649, ум. в 1725) и обер-секретарь датской канцелярии, впоследствии норвежский наместник Ditlev Wibe (в наших современных актах «Выбей» – см. у Соловьева XVI, 59 и XVII, 32 и 92 – р. в 1649, ум. в 1725), были одними из самых доверенных лиц Фредерика IV, и оба пожалованы им кавалерами ордена Слона.

везущие путешественников проводники) получают ежегодно каждый: 1000 ригсдалеров, голубой мундирный кафтан почтового ведомства, шелковый шарф, почтовый рожок на шелковом шнурке и почтовую с прусским гербом бляху, навешиваемую на грудь. Встречаясь с другой повозкой, а также проезжая врытой или вообще узкой дорогой, почтальон трубит в рожок, причем все едущие навстречу должны уступать его дорогу. Всякие мостовые и заставные сборы обязан уплачивать сам почтальон, но на деле почтальоны требуют сии деньги с не знающих этого (правила) путешественников.

Между Гамбургом и Потсдамом все дома крыты плоскими черепицами, как в Дании (они крыты) дощечками; только черепицы висят на перекладинах с крючками.

В деревенских домах не позволено иметь печей для печения (хлеба): они должны находиться в порядочном расстоянии от домов. Из опасения пожара печи запрещено даже покрывать досками или (какой-либо) другой кровлею.

На всех перекрестках, где расходятся две, три или несколько дорог, стоят столбы с (прибитыми к ним) руками-указателями. На (этих последних) написано название места, куда ведет дорога, а также сколько миль считается до того или другого (пункта), что служит значительным облегчением для путешественников, которые, благодаря таковыми рукам, указывающим пути, могут сами найти дорогу, если только знают, через какие деревни (им) ехать.

Относительно монеты следует заметить, что между Гам-

бургом и Потсдамом, а также в Берлине, во всем Бранденбургском крае, в Померании, Люнебурге и Саксонии, в обращении находятся дриттели, которые в Берлине стоят на 12 % ниже датских крон. Три дриттеля, будь они бранденбургские, люнебургские или саксонские – ибо (все) они обращаются безразлично по всему краю – составляют ригсдалер sougant. Рисгдалер равняется 24 грошам (грош равен 3 и $\frac{3}{4}$ датского скилинга) или 48 sexpfenniger'ам; (зекспфеннигер) представляет приблизительно два датских скиллинга. Дрейер то же, что датский скиллинг, включает в себе 3 пфеннига. Пфенниг равняется датскому hvid'у.

Недалеко от Фербелина (простирается) широкий луг (с) болотом мили в 3–4 длиной; через него к Фербелину ведет большая плотина, (по которой) проходит дорога в Мекленбург. Здесь (в пользу) короля Прусского (поступают) большие таможенные сборы, особенно с рептинского пива. Фербелин известен победой, которую отец ныне царствующего короля, курфюрст Бранденбургский, одержал недалеко от (этого города) над шведами в 1675 г.

Потсдамский дворец весьма роскошен и увешан ценными шторами и картинами. В большой зале находится великолепный серебряный вызолоченный поставец и серебряная люстра в три (венца). Дворцовый сад разведен с большими затратами на болоте. (Впрочем), за исключением весьма богатой и роскошной оранжереи с лавровыми, апельсиновыми и другими деревьями, в (саду этом) нет ничего достойного

примечания.

В (принадлежащем) прусскому королю фазаньем парке близ Потсдама фазанов мало, зато (есть) красивая беседка и красивая аллея в 1000 шагов длиной, (ведущая) к Потсдаму.

Королевский сад с обеих сторон окаймлен рекой Хафелем, берущей начало близ Шпандау и впадающей в Эльбу близ Хафельберга.

Потсдамский (олений) парк обнесен лучшей, более прочной и (притом) менее дорогой оградой, чем (ограды) наших датских (оленьих) парков, (а именно) огорожен расколотыми дубовыми и буковыми (кольями), вбитыми одним концом в землю, плотно друг возле друга, сверху же затесанными округло и остро и для скрепления (всей) ограды заплетенным, на ширину ладони, лозняком, как заплетаются плетни.

Здесьние печи сложены наглухо из поливного кафеля.

Следует также оговорить, что король Прусский содержит на реке Хафеле охотничью яхту, весьма роскошно расписанную и позолоченную (как) снаружи, (так) и внутри. Она имеет белый флаг, гюйс, вымпел и рейный флаг (носке-флаг), на котором изображен черный орел, представляющий прусский герб. В частности надо отметить, что, когда я был на этой королевской яхте и хотел спуститься по заднему трапу, чтобы осмотреть каюту, мне предложили спуститься по переднему трапу, так как никому, за исключением короля и королевы, не дозволяется спускаться по заднему. *Quantum est in rebus inane.*

29-го ѱ. Сюда прибыл батальон гренадер; они будут держать караулы, когда приедут высочайшие особы.

30-го ☉. В Потсдам прибыл его величество король Прусский, а также три его единокровных брата – маркграфы²⁴.

(Как) мне (случилось) заметить, стихари в лютеранской церкви в Потсдаме отличаются от датских тем, что не имеют рукавов и разрезаны на четыре (полотнища), из которых одно висит спереди, другое сзади, а (остальные) два, поуже, свисают с плеч, как откидные рукава.

При причащении (причастники), принимая хлеб, преклоняют колена поодиночке, с правой стороны алтаря; затем, чтобы принять чашу, переходят на левую сторону и (там) становятся на колени, на скамью. При произнесении слов Таинства они стоят, а во время молитвы опускаются на колени. В это время четыре подростка-школьника, в белых стихарях с фиолетовыми поясами, стоят на коленях перед алтарем, и (всякий раз), как произносится имя Христово, кланяются в землю. При причащении эти четыре (мальчика) стоят попарно, с двух сторон алтаря, и держат под хлебом и чашею красный шелковый платок.

Произнося перед алтарем (слова): «Господь с вами», священник всякий раз осеняет (паству) крестным знаменем, (так же) как когда возглашает благословение. Делаемое им

²⁴ Филипп Вильгельм (р. в 1669, ум. в 1711) – наместник магдебургский, Альбрехт Фридрих (р. в 1672, ум. в 1731) – наместник нижней Померании, и Христиан Людвиг (р. в 1677, ум. в 1734) – хальберштатский наместник и соборный пробст.

при этом знамение подобно Андреевскому кресту.

Июль

1-го ☾ . Прибыла швейцарская гвардия; (люди ее) одеты в короткие синие куртки (и) широкие брюки; шпаги они носят на перевязи через плечо; воротники их похожи на воротники датских священников; шляпы остроконечны с узкими полями (и) с торчащим кверху белым пером.

Прибыла также лейб-вахта короля Прусского в голубых, с золотым убранством, мундирах, подобных, впрочем, (мундирам) остальных королевских служителей.

В Потсдаме, да и во всем Бранденбурге, потолки в домах, как бы последние ни были убоги, всегда замазаны в уровень с балками глиной и (поверх нее) известью. Это заменяет употребляемый в Дании гипс, служит прекрасным (предохранительным) средством от пыли, (обыкновенно) летящей (с гипсовых потолков), удерживает тепло в комнатах и, при разговоре в нижнем (этаже), препятствует звукам проникать в верхний. При пожарах (такие) потолки тоже (оказывают) пользу, замедляя распространение огня и (предоставляя через то жильцам возможность) спасти имущество и жизнь.

Потолки эти лепятся таким образом: берут палки, обвивают их соломой, засовывают их между (потолочными) балками, потом замазывают глиной; снизу (глина эта) залепляется другим (слоем) глины, (затем потолок) заглаживается и обмазывается известью. (Обернутые соломой палки употреб-

ляются) затем, чтобы потолок был легче, держался крепче и не обременял балок и дома.

2-го ♂. Прибыли их королевские величества: мой всемилостивейший государь, король Датский, и король Польский. Его величество король Прусский выслал к ним навстречу, за полмили от Потсдама, своих трех братьев, маркграфов, – Альбрехта, Филиппа и Людвига²⁵, а равно и свою лейб-вахту.

Я также отправился за (город), но (проехал еще) милю (за тем местом), где ожидали их величеств маркграфы. (Увидав меня), мой всемилостивейший государь и король, сидевший в экипаже по правую руку короля Августа Польского, велел остановить (лошадей), и я имел честь представиться ему и показать, что, согласно его всемилостивейшему повелению, я уже тут. Затем они поехали в Потсдам. Когда они прибыли во дворец, им сделан был салют боевыми зарядами из 36 металлических (медных?) 24-фунтовых орудий, привезенных для этой цели из Берлина и поставленных в Потсдамском саду. Нижние комнаты дворца, по правую сторону, отведены были моему всемилостивейшему королю, комнаты (тоже нижние) по другую сторону – его величеству королю Польскому; король Прусский занял помещения над королем Датским, а королева – помещения над королем Польским.

3-го ♀. В 11 часов я отправился ко двору, где узнал, что по вопросу о первоочередности и старшем месте состоялось (следующее) решение: старшим местом его величество ко-

²⁵ Христиан Людвиг. См. предыдущие примеч.

роль Датский и его величество король Польский будут пользоваться поочередно, через день. В тот день была очередь короля Польского, которому это первому выпало по жребии. Обоим им, как своим гостям, король Польский предоставлял старшее место.

За столом высочайшие особы занимали места в следующем порядке: его величество король Польский сидел на первом месте, рядом с ним король (Датский), затем его величество король Прусский и около него трое маркграфов. По левую руку от короля Польского сидела прусская королева ²⁶, но в таком расстоянии от (него и прочих) королей, что между ними (и ею) свободно могло бы поместиться еще одно лицо. Рядом с королевой сидели обе маркграфини²⁷. Наконец, по обе стороны (высочайших особ) – датские и польские придворные. При каждой (здравной) чаше, выпиваемой королями, производилось из орудий, поставленных в саду, по девяти выстрелов, а при чашах маркграфов по три выстрела. (Кругом) стола, в расстоянии 6–7 шагов от (него) швейцарцы образовывали круг, (который смыкали) своими алебардами и куда никого не впускали, за исключением служивших (за

²⁶ София-Луиза (р. в 1685, ум. в 1735) – мекленбургская принцесса, на которой король, за год перед тем, женился третьим браком.

²⁷ Супруги двоих из вышеназванных единокровных братьев короля – Иоганна-Шарлотта (р. в 1682, ум. в 1750), дочь Иоганна-Георга, князя Ангальт-Дессауского, в замужестве, с 1699 г., за маркграфом Филиппом, и Мария-Доротея (р. в 1684, ум. в 1743), дочь герцога Курляндского Фридриха-Казимира, в замужестве, с 1703 г., за маркграфом Альбрехтом.

столом) камер-юнкеров и важнейших лиц (из свиты) королей. Большая часть (придворных) стояла вокруг (швейцарцев), вне круга, в таком количестве, какого мне никогда не случилось видеть (и) при французском дворе, даже в наиторжественнейшие дни.

Того же числа пополудни, в оранжерее, давалась французская комедия²⁸, (по окончании) которой (высочайшие) особы наслаждались прогулкой по саду. При их возвращении во дворец (снова) стреляли из пушек.

4-го 4. (Во дворце) был такой же пышный (куртаг), как накануне. Присутствовали многие кавалеры королевского Прусского ордена. По уставу, золотой крест (этого ордена), покрытый голубой (эмалью), носится на рудо-желтой ленте, а звезда с (золотой) каймой (пристегивается) к груди. (В середине звезды) изображен черный орел с круговой (надписью): «*Suum cuique*». Крест имеет 8 оконечностей, вроде мальтийского; посредине написано: «*Fridericus Rex*». Орел [на звезде] на груди держит в одной лапе лавровый венок, а в другой молнию, причем надпись «*Suum cuique*» указывает на то, что одних он награждает, других карает, смотря по делам каждого.

Пополудни снова игралась комедия. Вечером металы жребий: из кубков, которые держал маршал, (кавалеры вынима-

²⁸ L'impromptu des bergers de Potsdam, prologue heroique par le Sr. Seigny, comedien du roy. A Cologne sur la Spree, chez Urie Liepert, imprimeur du roy – комедия, в которой потсдамские пастухи и пастушки приветствуют трех королей.

ли) билетики и соединялись в пары с теми дамами, имена коих были написаны на (этих билетиках). Затем вынимали билетики дамы. (На их билетиках) значился только номер, и так как все стулья были пронумерованы, то (кавалер), которому в (эту) лотерею (досталась та или другая дама), садился на стул по номеру (ее билетика). Когда пора было садиться, номера выкрикивались, и всякий шел со своей дамой к столу, (а потом) и из-за стола, по своему номеру. Затем танцевали, (соблюдая) равным образом (очередь) по номерам. В тот вечер я имел честь кушать за большим столом вместе с тремя королями; по жребию мне выпало быть в паре с графиней Флемминг²⁹, дочерью шведского графа Бьелке.

5-го ♀. Как в этот день, так и накануне и (вообще) во все время пребывания королей в Потсдаме, ни (сами) они, ни прочие являвшиеся ко двору (лица) не имели (при себе) шпаг, ибо король Прусский считает Потсдам увеселительной дачей, где никто не нуждается в шпаге.

В полдень короли кушали вместе; пополудни игралась комедия, вечером (происходила), как и накануне, лотерея, чтобы (кавалерам и дамам) соединиться в пары, причем, как и в женитьбах, одни оставались довольны, другие нет. (Местные придворные) не могли брать билетики прежде, чем их

²⁹ Sigrid Kathrine Flemming (р. в 1681) – дочь графа Нильса Бьелке (Niels Vjelke), шведского губернатора в Померании, была замужем за саксонским генералом, графом Иоганном Георгом Флеммингом, братом упоминаемого ниже польского и саксонского кабинет-министра и фельдмаршала, графа Якова Генриха Флемминга (см. Hiibner: Gen. Tab. IV).

возьмут все иностранцы из свиты королей. Если оставались места, то прусские придворные вынимали (последние) билеты.

К каждому из иноземных дворян, приехавших из Дрездена в свите королей, было (назначено) по королевскому лакею и по королевскому экипажу для выездов. (Лакеи) служили (дворянам) в их помещениях и должны были докладывать (в дворцовое управление), чего последним недостает.

В тот же день состоялась охота в миле от Берлина; загнано в тенета немалое количество крупной дичи, из числа коей застрелено с лишком 60 штук. Загнано также четыре лисы: две, ко всему общему удивлению, перепрыгнули через тенета. Диких свиней попалась всего одна. (Она была) поймана королем Польским в капкан.

6-го ѳ. Как и каждый день, в 11 часов конная лейб-вахта, гренадеры и швейцарцы прибыли на дворцовый двор.

Короли обедали порознь в своих помещениях.

В нижних покоях под сводом ежедневно, в полдень и вечером, накрывалось пять столов, каждый на 24 персоны. (Один) из них был обер-гофмаршальский, за (него) могли садиться только лица, принадлежащие к свите двух иностранных королей.

Вечером, как и накануне, дамы разыгрывались по лотерее, и (таким образом) всякий вечер (все рассаживались) за стол на иной лад: вообще, строго наблюдалось (за тем), чтобы иностранцы пользовались во всем особенным почетом,

сравнительно с прочими (гостями).

7-го ☉. Во дворце, в помещении каждого из трех королей, отправлялось богослужение на разных языках и по (обрядам) разных вероисповеданий; у моего государя и короля на датском языке, по аугсбургскому исповеданию, (служил) магистр Ивар Бринк³⁰; у короля Прусского (служба происходила) на немецком языке, по кальвинской вере, а у польского короля старый итальянский иезуит, патер Вота, совершал обедню по римской вере и говорил проповедь на французском языке.

Вечером был такой же торжественный (банкет), как и в предшествующие вечера.

8-го ☾. Три короля кушали в королевском увеселительном доме «Капот», находящемся в одной миле от Потсдама; вернулись под парусами по Хафелю и высадились при пушечном салюте из сада и с яхты. (Все) так там веселились, что у большей части (гостей) сознание оказалось совсем капут. (По возвращении) все легли спать и встали (лишь) к вечеру, чтобы отобедать таким же образом, как в прежние дни.

9-го ☉'. Видел я у королевского лейб-медика, юстиц-со-

³⁰ Yvar Brinek (р. в 1665, ум. в 1728) был сначала походным священником при датских войсках в Англии и священником Датской общины в Лондоне; приобрел, между прочим, известность своим участием в опровержении унижительной для Дании статьи английского посланника в Копенгагене Rob. Molesworth'a. В 1702 г. назначен приходским священником при Holmens Kirke в Копенгагене; в 1708 г. – священником и духовником к Фредерику IV на время путешествия короля в Италию; умер в Копенгагене приходским священником церкви Святого Николая.

ветника доктора Вульфа¹, двух живых хамелеонов, привезенных им из Италии из Ливорно: у них четыре лапки (и) длинный заостренный хвост; похожи они немного на ящериц, но по крайней мере раза в четыре больше; некрасивы и противны; блекнут, если их посадить на несколько минут в закрытую коробку; когда их вынешь и положишь на солнце, на них замечаются маленькие блестящие крапины, вроде серебряных и золотых песчинок, что послужило основанием к обще(распространенному) заблуждению, будто они меняют цвет соответственно тому предмету, на который их положат; (как) заверил меня юстиц-советник Вульф, это неправда. Глаза их, очень маленькие, как будто вставлены в нечто вроде кокосовых орехов, обращающихся кругом, так что (хамелеоны) могут смотреть вниз, вверх, вперед и назад, причем самые глаза (их) остаются совершенно неподвижными в центре. (Хамелеонов этих) кормят только раз в неделю или раз в две недели; остальное время они питаются сами – мухами, которых к себе привлекают (своим видом?). Хамелеоны созданы так, что целую неделю могут жить без пищи.

Все три короля отправились вместе в Шпандау, где в полдень кушали. Вечером (они) поехали в увеселительный замок Шарлоттенбург^{31 32}, откуда за недостатком помещения

³¹ Johann Conrad Wulff, или Wolffen, доктор медицины, родился в 1656 г. в Цербсте, состоял лейб-медиком Фредерика IV с 1689 г. (когда последний был еще принцем) и до самой его кончины; в 1694 г. назначен королевским вицебиблиотекарем, а в 1704 г. заменил, в качестве библиотекаря королевской библиотеки

для (сопровождавших) их в (значительном) количестве людей и слуг послали последних в Берлин, чтобы они там ожидали своих государей.

Вечером я отправился в Берлин, отстоящий на четыре мили от Потсдама. Как и всем прочим, помещение мне отвел гоф-фурьер. (Поселился я) на улице Святого Духа у тайного советника Борке (Borck)³³, где мне было очень хорошо и удобно.

Берлин весьма красивый и нарядный город³⁴, все (в нем) опрятно, как в Голландии.

10-го 0. Осматривал Берлинский дворец, представляющий собой большое великолепное здание. Роскошнейший (из) показываемых там (предметов) – это постель королевы алого бархата, с пологам, на которых настоящим жемчугом вышито королевское имя, (увенчанное) короной; одеяло и все отделение, где стоит постель, равным образом (ши-

теки, Willum'a Worm'a; умер в Копенгагене в 1730 г.

³² Теперь в замке этом (под самым Берлином) показывается между прочим картина, изображающая трех съехавшихся там в 1709 г. королей: представлены они в человеческий рост, держащимися за руки, как в хороводе.

³³ Вероятно, Georg Heinrich von Borcke – прусский тайный и обер-советник апелляционного суда, обер-директор казначейства в Маркбранденбурге. Ум. в 1722 г. (см. Grosses Universal-Lex. Halle и Leipzig, начать в 1732 г.).

³⁴ Берлин, настолько пострадавший в Тридцатилетнюю войну, что в 1638 г. в нем насчитывалось всего 6000 жителей, при великом курфюрсте, отце Фридриха I, так оправился, что в 1688 г. – год смерти великого курфюрста – население города уже возросло до 20 тысяч. В царствование этих двух государей Берлин украсился многими сооружениями.

ты жемчугом), так что (все это) пришлось (бы) оценить в несколько бочек золота. *Qvantae luxuriae sordes!* Я видел также план тех (помещений), которые предполагается еще пристроить ко дворцу. Замысел так обширен, что, по уверению самых сведущих людей, с внутренней и наружной отделкой и меблировкой (помещений) он и в 15 лет не может осуществиться.

11-го 7. Я был в новом, построенном прусским королем цейхгаузе; наполнен (он) множеством прекрасных металлических пушек, в числе коих одна, по имени «Азия», отлитая год тому назад, стреляет 100-фунтовыми ядрами. Отлита она исключительно из орудий, отнятых у турок. Король Прусский хочет отлить еще три такие пушки, равным образом из отнятых орудий; пушки эти будут названы именами трех остальных частей света. Не знаю, для какой цели (он это затевает), разве затем, чтобы вместо одного иметь целых четыре бесполезных и негодных орудия...

В тот же день я осмотрел королевские конюшни; в них больше 200 лошадей. На (сеновале) показываются королевские одноколки (*carioler*), сани, верховая сбруя, оружие, попоны (и) два трехколесных стула, подаренные прусскому королю королем Польским. В числе (разного) редкого оружия я видел там штуцер, из которого можно стрелять и маленькой, и крупной пулею: для стрельбы крупной пулей следует вынуть внутренний ствол. Там есть также большие пищали для охоты на гусей и лебедей, положенные на лафеты, как

орудия. Показывают там и различные мечи палачей, в том числе один, которым, как говорят, было казнено более 160 человек.

В тот же день я осмотрел сад, устроенный королем Прусским для травли диких зверей. Там находились дикий буйвол (зубр?), три льва, два леопарда, белая лисица, несколько медведей и много ост-индийских ежей (дикобразов?).

[12-го?] Переночевавшие в Шарлоттенбурге короли около полудня прибыли (в Берлин), провели полчаса во дворце и (затем) отправились в город крестить новорожденного сына генерал-фельдмаршала графа Вартенслебена³⁵. Ребенка держал мой все милостивейший государь и король, имея слева от себя королеву, а справа короля Польского.

Пополудни, в королевской часовне, крестили дочь³⁶ прусской наследной принцессы³⁷, разрешившейся от бремени за

³⁵ Alexander Hermann v. Wartensleben (у Юля Wattersleben) родился в Вестфалии в 1650 г. Смолоду порывался на войну. Сражался в Нидерландах под начальством Тюрена в 1677 и 1678 гг., сражался в Шонин и на Рюгене вместе с гессенскими войсками, нанятыми Данией, участвовал в освобождении Вены и т. д. Прусская армия обязана ему первоначальным своим устройством. Умер в 1734 г. в звании прусского фельдмаршала и берлинского губернатора. Считался одним из лучших немецких полководцев (см. Notices geneal. et biogr. sur la famille de Wartensleben, 1751 г., надгробное слово J.F. von Kreyezen'a, Berlin 1734, и C. von Stamford: Die Felszuge der Regim. Ufm Keller und v. Hornumb etc Cassel, 1882).

³⁶ Принцесса Фридерика-София-Вильгельмина (р. 3 июля 1709, ум. в 1758) в 1731 г. вышла замуж за маркграфа Фридриха Бранденбург-Байрейтского.

³⁷ Sophie Dorothea (р. в 1678, ум. в 1757) – дочь короля Английского Георга I, в 1706 г. вышла замуж за прусского наследного принца Фридриха-Вильгельма (I), имела от него 14 детей, один из коих был Фридрих Великий.

два дня перед тем. Крестными отцами были все три короля. По окончании (обряда) крещения произведен салют из всех пушек кругом города.

В тот день было рождение короля Прусского³⁸, ввиду чего прусский орден носился не на ленте, а на цепи, как у нас во известные дни Датский орден; цепь (при этом) лежала на плечах так же, как (цепь Датского ордена). Почти вся она сквозной работы (и) покрыта (эмалью); восемь «F», (соединение) попарно, образуют круг; над каждой парой «F» корона. (К кругу этому) прикреплен черный орел, затем (к орлу опять круг) и т. д.

При дворе не было никакого торжества – ни танцев, ничего другого; только короли обедали вместе.

Здесь, как и в Потсдаме, женщины не могут являться ко двору иначе, как в зашнурованных платьях, так строго соблюдается при здешнем дворе пышность и этикет.

14-го ☉. Так же как в Потсдаме, у королей, в (их) прихожих, происходило богослужение, у каждого на его родном языке и (по обрядам) его вероисповедания. Отпущенный моим все милостивейшим королем и государем накануне вечером, я в (этот день) отклонялся ему и поцеловал у него руку; представился я также королю Польскому. Однако на следующий день я (не выехал), будучи задержан нездоровьем.

Достойно замечания, что при прусском дворе высшая должность – (должность) обер-камергера, ввиду того что

³⁸ Король Фридрих I, р. 12 июля 1657 г.

(сам) король, в качестве курфюрста Бранденбургского, камергер Римской империи. В то время должность обер-камергера исполнял граф Вартенберг³⁹, красивый, благовоспитанный человек. Я несколько раз ел у него.

Таким же образом первый министр или высшее должностное лицо при саксонском дворе всегда обер-(гоф)маршал, так как курфюрст Саксонский маршал Римской империи. В то время при саксонском дворе должность эту исправлял тайный советник Пфлуг⁴⁰. Впрочем, все государственные дела обдумывались генерал-фельдмаршалом графом Флемингом⁴¹, находившимся при короле Августе Польском, в его свите.

³⁹ Ion. K. von Kolb граф Wartenberg (р. в 1643, ум. в 1712) сумел так понравиться королю Прусскому Фридриху, что тот возложил на него одновременно несколько важнейших должностей, по которым Вартенберг получал ежегодно более 100 000 талеров жалованья, не говоря уже о том, что он приобретал *per nefas*. Расточительностью своей он привел финансы Пруссии в полный упадок, вследствие чего народ возненавидел как его, так и двух его сотрудников: обер-гофмаршала графа Виттгенштейна (Wittgenstein) и упоминаемого выше генерал-фельдмаршала Вартенслебена (Wartensleben) и назвал их, намекая на начальные буквы их имен, «die drei grossen Weh'en Preussens», то есть тремя великими *бедствиями* Пруссии. Но король долго питал к Вартенбергу слепое доверие и отставил его лишь в 1711 г., причем назначил ему пенсию в 24 000 талеров.

⁴⁰ August Friedrich Pflug принадлежал к одному богемскому дворянскому роду; в 1705 г. был возведен в графское достоинство; умер в 1712 г. в звании польского и саксонского обер-гофмаршала, тайного советника и обер-камергера.

⁴¹ Граф Jacob Heinrich Flemming (р. в 1667, ум. в 1728), польский и саксонский кабинет-министр и фельдмаршал; в свое время много способствовал удержанию за королем Августом королевства Польского; пользовался при нем большим влиянием и в течение Северной войны играл выдающуюся роль.

В Пруссии же государственные дела по большей части обдумываются тайным советником Ильгеном⁴², хотя первым министром и называется граф Вартенберг. (Причина этому) та, что в государственных делах (Вартенберг) менее сведущ, чем (Ильген).

Все три короля кушали у английского посла милорда Раби⁴³. Для мест (гости) вынимали билетки и садились по выставленным на последних номерах. Вечером короли кушали у графа Вартенберга, живущего со всеми своими (домочадцами) в собственном помещении во дворце и содержащего там (свой особенный) двор.

Относительно (этикета) прусского двора надо еще заметить, что, когда кушанье подано и маршал приглашает (высочайших) особ сесть за стол, он держит в руке длинный се-

⁴² Heinrich Riiliger von Ilgen, у Юля liken (ум. в 1728), в течение целого ряда лет de facto, ac 1711 г., после отставки Вартенберга, de jure, то есть в качестве первого министра, весьма успешно руководил прусской иностранной политикой, причем его осторожность избавила Пруссию от губительных войн, в которые втянулись соседи державы. Ильген был замечательно способным дипломатом и уже до описываемого времени оказал большую услугу Фридриху успешным участием своим в переговорах по вопросу о стяжании ему прусской королевской короны.

⁴³ Thomas Wentworth baron of Raby, у Юля Rabby (р. в 1672, ум. в 1739), с 1711 г. Earl of Strafford, Viscount of Stainborough and Wentworth-Woodhouse, начал свою карьеру в 1687 г. пажом при моденской королеве Марии; в 1692 г. был назначен адъютантом к Уильяму III; в 1707 г. произведен в генерал-лейтенанты; в 1703–1704 гг. был посланником в Берлине; с 1705 по 1711 г. чрезвычайным послом там же, а с 1711 по 1714 г. чрезвычайным же послом в Гааге; одно время был первым лордом адмиралтейства (см.: James Doyle: the official baronetage of England. Vol. III. Lond. 1886).

ребряный жезл, на верхушке которого (изображен) орел, а затем все время стоит за столом, пока (высочайшие) особы не встанут. Тогда должность маршала занимал Эрлах⁴⁴, бывший вместе с тем и капитаном швейцарцев. В строю перед своими швейцарцами он носит короткую куртку, широкие брюки, короткий плащ, на пол-локтя не достающий до колен; (все одеяние сшито) из белой тафты и оторочено узким золотым кружевом. Воротник, который носит (Эрлах), напоминает несколько воротники датских священников, впрочем, он несравненно уже. Остальные находящиеся под начальством (Эрлаха) обер-офицеры одеты так же, как он, с той лишь разницей, что их платья (обшиты) вместо золотых серебряными кружевами.

16-го. Короли, все трое, кушали у генерал-фельдмаршала Вартенслебена. Мой все милостивейший государь, король Датский, уехал тотчас после стола при салюте из орудий⁴⁵.

⁴⁴ Siegmund Erlach, у Юля Gerlach, ум. в 1722 (см. Grosses Univ. Lex., Н. и L.).

⁴⁵ Тем и окончилось свидание трех королей. К формальному союзу оно не привело: король Прусский был слишком осторожен, чтобы обещать деятельное участие в войне против Швеции, но в те времена съезд возбудил во всех большой интерес. Так, незадолго до этого, Maysenbourgk издал (в Берлине, 22 июля 1709 г.) «Remarques sur l'entrevue des trois Rois». Доказательством тому, как необычны были тогда свидания государей, могут между прочим служить следующие любопытные выражения этой книжки: «Il est rare, que trois Tetes couron-nees se trouvent ainsi reunies, la Majeste etant une espece de singularite, que ne souffre rien d'egal aupres d'Elle. Depuis la Naissance de [Jesus] C.[hris]t on contera de'sormais cette ossasion, dont nous allons atre temoins, pour la douzieme ou sem-blable shose soit arrivee». После празднеств по случаю съезда королей появились в Берлине две брошюры: одна из них заключает отчет об этих празднествах. Она озаглавлен-

17-го. Тронулся в путь на Кёнигсберг; в этот день проехал Бернау и Нейштадт; в Ней-Ангермюнде переночевал.

18-го. В 4 часа утра (выехал) из Ангермюнде в Нейгауз, проехал Пириц (и) Штутгарт – прекрасный город, а затем ехал всю ночь до Наугарта.

19-го. (Выехав) из Наугарта, проехал Пиннов (и) Керлинг (и) (прибыл) в Кеслин, где переночевал.

20-го. От Кеслина проехал до Шлаве. На пути (между этими городами) в полумиле от Кеслина находится большая гора Кольберг. Мне пришлось чрез нее переезжать, (она) весьма высока (и) поросла густым кустарником. С вершины, менее чем в полумиле расстояния, видно море, а также два города (селения?), расположенные и тот и другой в полумиле от Кеслина; открывается (равным образом) прекраснейший вид на леса, луга, нивы, многочисленные церкви и деревни. Это (и есть) та большая Кольбергская гора, высочайшая на

на «Relation | von dem | Was bey Hoher Ankunft, Anwesenheit und | Wiederabreise
Des Konigs von Danemarck | und | *Des Konigs* | AUGUSTI | Majest. Majest. | In
Potsdam und Berlin vom 1 Iulii an, | bis den 17-ten vorgegangen. | zu finden bey Johann
Andreas Rudiger, Buchhandler unter dem Dohm». Другая ищет относительно тако-
вого великого события указаний в положении небесных светил. Это усматрива-
ется из самого ее заглавия: «Vorstellung des Himmels | Bey der | Zusammenkunft
| Dreyer Groszmachtigsten Konige. | Welche geschehen ist am 2 Iulii Anno 1709 |
Zu Potsdam in der Chur-Marck Brandenburg, | Um welche Zeit gleich auch | Drey
herrliche Planeten, nemlich die Sonne, der herrlichste, | Saturnus, der Oberste, und
Venus, der Leutseligste Planet, | am Himmel habe beysammen waren. Diesos wolte
zu mehrerm Nachdenken | anzeigen | Maria Margaretha Winkel-mannin, verehelichte
Kirehin. Der Astronomic und Astrologie Ergeben in Berlin. Berlin am Moleken-
Marckt beu loh. Chtistoph Pape».

всем побережье, которую за столько миль видно с моря. В старину на (ее) вершине стоял монастырь. Теперь от него почти не осталось следов. Шпиз церкви этого монастыря до сих пор хранится в кеслинской церкви. Лес, росший сперва на этой горе, уничтожен нарочно, чтобы лишить убежища разбойников, пользовавшихся в прежние времена его дубрами, чтобы (безнаказанно) убивать и грабить проезжающих. Случаи подобных убийств и грабежей были тогда настолько часты, что у дороги, по которой я ехал, я (насчитал) 80 памятников, поставленных над убитыми (путешественниками); за последнее же время, в продолжительный (сравнительно) срок, убит всего один (человек).

В тот же день я проехал из Шлаве, чрез Стольце, в Лупов; здесь переночевал на большом прекрасном постоялом дворе.

21-го. Присутствовал на богослужении в луповской церкви. (Служат) в ней по-кочубски, (известный) диалект польского языка, так как бóльшая часть простолюдинов плохо понимает немецкий язык. Евангелие читается с проповедальной кафедры и пред алтарем по-кочубски и по-немецки. Проповедь говорится на верхненемецком наречии, (но) по ее окончании тотчас же произносится другая, по-кочубски.

Я был зван в гости к полковнику Грумбкову⁴⁶, обладавшему великолепной усадьбой возле упомянутого постояло-

⁴⁶ Быть может, Philip Otto v. Grumbkow, впоследствии прусский «тайный государственный и военный министр», ум. в 1752 (см. Gr. Univ. Lex., а равно родословные словари Gauhe и Kneschke).

го двора. (Самый) постоянный двор тоже принадлежал ему. Жена его – одна из красивейших женщин, которых мне случилось видеть во время моего путешествия от Копенгагена. Она – урожденная Слафрендорф⁴⁷.

На постоялом дворе нельзя было достать ни вина, ни французской водки. Не держали их с той целью, чтобы (Грумбкову) легче было сбывать свое пиво и хлебное вино, так как все, что продавалось на постоялом дворе, забиралось у него. Замок (Грумбкова), построенный в итальянском (стиле), по красоте, роскоши и размерам может сравниться с лучшими датскими замками.

После обеда я продолжал путь на Вуцков, последнее (местечко) в прусских владениях. Здесь начинается (обращение) польских денег, а бранденбургский, саксонский и люксембургский дриттели уже не в ходу и (принимаются лишь) с потерей 5 %. Три польских гульдена (злотых) составляют один талер или, на наши деньги, один ригсдалер Courant. На (польский) счет, гульден (злотый) содержит 30 грошей, представляющих приблизительно 30 датских скиллингов или один бранденбургский дриттель. Собственно, польский злотый включает во себе пять sexer'ов, зексер два дытка, дыток три гроша; achtzehener, или тынф, содержит 18 грошей; в ригсдалер courant заключается 5 тынфов, то есть 90 грошей. Ригсдалер в датских кронах стоит ниже польского риг-

⁴⁷ Slafrendorf или, вернее, Sclaberndorf, весьма уважаемый марк-бранденбургский дворянский, впоследствии графский род (см. там же).

сдалера courant на 12–14 %. Польский или прусский грош содержит три прусских скиллинга. Скиллинги эти такой же величины, как датские «виды» (hvide) или дриллинги, и почти одинаковой с ними ценности. Полновесный золотой дукат стоит 8 прусских гульденов или 240 грошей. Specie-ригсдалер стоит три прусских гульдена и 18 грошей, то есть 108 грошей или 6 тыпфов.

В ту ночь я приехал в Дюнамерс.

22-го. Отправился из Дюнамерса в Данциг. Здесь (был вынужден) остановиться (и переночевать) ввиду недостатка в подводах, ибо все подводчики убежали за город смотреть, как колесуют одного преступника. Удивления достойно, как развита в человеке жестокость: чтобы поглядеть, как истязают его ближнего, он бросает свои занятия и заработок!..

При проезде через Данциг я узнал, что (там) свирепствует сильная болезнь, (от которой) еженедельно умирает 200–300 человек. Некоторые считали ее чумой, другие пятнистым тифом, но, так как в подобных случаях преждевременная предосторожность лучше небрежного (отношения к делу), то я письменно уведомил отсюда всемилостивейшего моего государя и короля о появившейся болезни (впоследствии действительно оказавшейся чумой), дабы (его величество мог) вовремя распорядиться о прекращении торговли с данцигцами⁴⁸.

⁴⁸ Чума была-таки занесена в Данию в 1711 г.; в одном Копенгагене от нее умерло с лишком 20 000 человек, то есть более трети тогдашнего его населения.

23-го. Из Данцига выехал на почтовых; в полдень за городом переехал Вислу и в течение ночи проехал через Стеге, Кальберг и Польский. От Данцига до Польского, последнего (местечка) в данцигских владениях, считается 12 миль. За наем повозки для этого переезда в данцигскую почтовую контору уплачивается по два ригсдалера *cougants* с человека; кроме того, при каждой перемене повозки путешественник платит проводнику один *achtzehener* или тынф.

24-го. Проехал из Польского в Пиллау. Дорога идет по косе (называемой *Dantziger Nehrung*)⁴⁹, и отделяющей Балтийское море от Пресного⁵⁰. Последнее образуется частью (водами) реки Прегеля (текущей от Кёнигсберга), частью же (водами) Вислы, (про)текающей (через) Польшу. Пресное море выливается в Балтийское и соединяется с ним близ Пиллау. По дороге между Польским и Пиллау, на береговой черте виднелись (следы) больших несчастий, лежали обломки судов и выброшенные (на берег) корабли, несколько дней тому назад погибшие от бури. В Пиллау я еще застал транспортное его королевского величества судно «Ферэ», ожидавшее в этой гавани моего прибытия, чтоб везти (меня) дальше (морем).

Вскоре по моем приезде пиллауский губернатор граф До-

⁴⁹ У Юля, очевидно смешивающего значение слов *Nahrung* и *Nehrung*, стоит «данцигское пропитание» (вместо «низменный берег»).

⁵⁰ Фрише-Гаф, в подлиннике *Ferske Hav* (вместо *Friskc Hav*), то есть «Пресное море».

на⁵¹, а за ним и комендант крепости бригадир Wopse почтили меня своим посещением.

25-го. Поехал в Кёнигсберг, расположенный в семи милях от Пиллау. В одном лесу, находящемся на пути, я видел очень крупного лося. Говорят, в Пруссии лосей, а также медведей и зубров (uhroher) великое множество.

26-го. Поехал в небольшое имение Шарлоттепаль посетить герцога Гольштейнбекского⁵², живущего, впрочем, обыкновенно в Кёнигсберге. Герцог главнокомандующий всех прусских войск (soldateschen). В Пруссии, кроме вербуемых солдат, есть еще милиция (Land-Militie), устроенная на тех же приблизительно основаниях, как датская.

27-го. Провел день в Кёнигсберге. Там мне отвели помещение у купца Poul La Fargue. В тот день через Кёнигсберг проехал гонец, посланный 24 июля прусским резидентом в

⁵¹ Вероятно, прусский генерал Христофор бургграф v. Дohna из Слодин. Дочь его Ursula Anna (р. в 1700) вышла в 1721 г. замуж за герцога Фридриха Вильгельма Гольштейнбекского, сына упоминаемого ниже герцога Фридриха Людвига (см. Hubner: Gen. Tab.).

⁵² Герцог Фридрих Людвиг (р. в 1653, ум. в 1728), в описываемое время генерал, три года спустя прусский генерал-фельдмаршал; отец его, Август Филипп, родоначальник бекской линии Зондербургского дома. Сам Фридрих Людвиг праправнук Христиана III по мужской линии, по мужской же линии прапрапрадед ныне благополучно царствующего короля датского Христиана IX. В 1685 г. он женился на Луизе Шарлоте Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбургской, бывшей одно время невестой известного составителя датских законов, Шумахера-Гриффецфельда. Имения Luisenhof и только что упомянутый Charlottenthal в Восточной Пруссии названы в ее честь (см.: J. Becker. Geschichte des 2-ten Ostpreuss. Grenadier-Regiments № 3. I. Th., Berlin, 1885).

Варшаве к королю Прусскому с вестью, что шведский король наголову разбит царем в Украине (Cosakenland), под Полтавой. О подробностях этой победы не было возможности разузнать, так как лицам, получившим (подобного рода сведения), король Прусский раз и навсегда воспретил распространять неблагоприятные известия о шведской армаде, прежде чем о них не будет сообщено (ему) и не станет известно в Берлине; поэтому (в тот день) я напрасно в разных местах старался (добыть желаемые подробности). Узнал (я) о них (только) два дня спустя, от королевского надворного советника де Фера (de Feer), к которому был направлен упомянутый гонец из Варшавы. Подробности эти я немедленно, в тот же день, сообщил по почте его королевскому величеству, моему все милостивейшему государю и королю.

29-го вечером поехал в Пиллау. Для выхода во море ветер был благоприятный, но настолько слабый, что лоцмана не решились вывести корабль (из порта. А там) снова задул противный ветер, задержавший меня в Пиллау до 11 августа.

АВГУСТ

Тут нелишне заметить, что как в Пиллау, так и в Кёнигсберге, пиво, вино и водка измеряются одной мерой, называемой stob'ом. Stob содержит 4 прусские кварты (Quarteer), равняющихся каждая полутора датским потам (pot, potte).

Как я имел (случай удостовериться), причащение в лютеранских церквях в Кёнигсберге совершается по тем же обрядам, как в Потсдаме; (об обрядах этих) сказано выше.

Тем временем, как противный ветер задерживал меня в Пиллау, я ходил иногда на веслах к расположенной насупротив косе Dantziger Nehrung. На противоположный ее (берег) Балтийское море выбрасывает много янтаря, собираемого (здесь) королем Прусским. На косе, состоящей из одних песчаных бугров и холмов, поставлены два продольных плетня из ивняка, с той (целью), чтобы гонимый ветром песок ложился грядой посреди (косы), а не уносился в ту или другую сторону в море, и почва (через это) не (сравнилась) бы со временем (с уровне моря) и не была сплошь затоплена (им. Это и случилось бы), если б на косе не содержалось подобных плотин. С милю выше на (косе) этой растет красивая роща из ольх и берез; там видно (также) множество пней и корней срубленных деревьев, (обстоятельство), доказывающее, что прежде там (повсюду?) был лес и плодородная почва. Во

многих местах ветер намел такие высокие холмы (песку), что деревья скрыты в них до вершин.

Я собрал следующие сведения об условиях сбора янтаря. Весь янтарь, выбрасываемый на берег, считая от польского на Dantziger-Nehrung, где начинаются прусские пределы, и [вдоль берега] мимо Пиллау до Мемеля, а также за Мемель до Heiligen-A, принадлежит королю Прусскому. На пространстве этом сбор янтаря разделен, однако, на две (полосы). Первая (простирается) от польского вдоль берега до Тенхителя, на две мили за Пиллау. Янтарь, собираемый на этом протяжении, сдается, под наблюдением инспектора таможни, который присягает в том, что всячески будет соблюдать пользу и интересы короля, в так называемый королевский Прусский лиценцгауз в Пиллау. Сбор со второй (полосы), от Тенхиттеля до Heiligen-A, по ту сторону Мемеля, свозится в округ, называемый Palmich. Когда янтаря наберется много, то из обоих этих мест, (то есть) из Пиллау и из Пальмиха, его везут в Кёнигсберг (и складывают) в (особый) определенный на то в крепости дом. (Самый) сбор янтаря происходит таким образом. Когда юго-западная или западно-юго-западная буря примоеет янтарь, на берег вызываются крестьяне и другие назначенные на этот предмет королевские подданные, принесшие предварительно присягу в том, что будут правильно сдавать все собранное, ничего из оно-го не утаивая. Приходят они со скребками, (прикрепленными к) шестам в 10–12 локтей длины, и при спокойном мо-

ре забрасывают их в воду, вылавливая и вытаскивая таким образом янтарь на берег. Сбор всякий вечер сдается определенным на то присяжным береговым объездчикам, которые, со своей стороны, доставляют его в надлежащие места, в Пиллау или Пальмих. За свой труд (каждый) крестьянин получает столько соли, сколько он набрал янтаря: бочку за бочку, stob за stob и т. д. Когда из (Пиллау и Пальмиха) в Кёнигсбергский янтарный дом поступает большое количество янтаря, управляющий (этим домом) – в настоящее время (это) тайный камер-советник Купнер (Cupner) – принимает меры к оповещению (публики), посредством открытых писем и через газеты, что янтарь будет продаваться с аукциона, но (еще) до аукциона янтарь сортируется на три (разряда): первый называется сортированным янтарем (Sortiment-Barnsteen) и состоит из крупных кусков в кулак и больше; стоит (он) обыкновенно от 1000 до 1020 ригсдалеров тонна. Следующий сорт называется тонным янтарем (Tonnenbarnsteen); куски его меньше; стоит он обыкновенно 600–700 ригсдалеров тонна. Третий сорт набирается из самых мелких кусочков; зовется он лаковым янтарем (Farnisbarnsteen) и стоит 100, 110, 120 ригсдалеров тонна, смотря на многолюдность аукциона и по спросу. На аукцион стекаются многочисленные купцы из Гамбурга, Данцига, Штеттина, Померании, (а также) из окрестностей этих (мест) и покупают большое количество (янтаря). Кроме того, (янтарь) приобретают и кёнигсбергские купцы. Таким образом,

король Прусский получает от этой (продажи) от 50 до 60 тысяч ригсдалеров ежегодно, расходу же по сбору янтаря, на жалованье береговым объездчикам и рабочим, у него всего 4000 ригсдалеров (в год). Ходить по берегу собирать янтарь (посторонним) воспрещается под страхом смертной казни, да и назначенные на то (люди) могут (являться на берег), лишь когда их вызывают на сбор (янтаря).

Прусский локоть короче датского на столько —⁵³; им отмеряется всякого рода суконный товар, полотно и шерстяные (материи), за исключением (тканей), имеющих в ширину всего один прусский локоть. (Ткани эти) отмеряются на штоке (stock). Шток содержит в себе два прусских локтя.

По части веса прусский фунт на семь лотов и один квинтин (qvintin) легче датского, так что (100 датских фунтов) на 22 датских фунта и 21 датских лота тяжелее 100 (пруссских фунтов), то есть 100 прусских фунтов представят лишь 77 датских фунтов и 10 лотов.

Это обыкновенный вес, употребительный во всех лавках; но кроме него есть еще другой, называемый весом золотых дел мастеров; в сущности, (оба эти веса) по тяжести друг от друга не отличаются, разница только в названии (мелких единиц веса), а именно золотых дел мастера взвешивают золото и серебро на скотты (scott). Скотт равняется $\frac{2}{3}$ лота, следовательно, три скотта составляют два лота, а 32 прусских

⁵³ В подлиннике черта эта проведена на поле.

лота равняются 48 прусским ювелирным скоттам. В общем, (единицы) прусского веса следующие:

1 малый центнер (Centner klein) = 112 ф.

1 большой кёнигсбергский центнер (Centner grosz Königsberger) = 128 ф.

1 большой штейн (Stein grosz) в Кёнигсберге равняется 40 ф.

1 малый штейн (Stein klein) = 25 ф.

1 шиффунт содержит 20 лисфунтов или 10 штейнов или = 400 ф.

1 лисфунт в Кёнигсберге равняется 20 ф.

1 фунт заключает в себе 32 лота на обыкновенный вес, 48 скоттов на ювелирный или 4 квинтина.

Одна марка серебра содержит 24 скотта или 16 лотов.

На берегу моря, возле Пиллау, стоит башня, построенная исключительно для мореходов, с тем чтобы они могли видеть ее с моря, издалека. С нее постоянно стерегут лоцмана, не идут ли с моря корабли, и, (заметив судно), тотчас выезжают (к нему навстречу), чтобы ввести его (в гавань). В Пиллау, у самого лиценгауза, то есть таможни, стоят два бака – две высокие заметы из леса, построенные для руководства лоцманов, (которые соображаются с ними) при вводе и выводе кораблей. Содержатся они таможенным инспектором на счет короля Прусского. В Пиллау находится 12 лоцманов; все они присяжные, жалованье получают от короля, каждый по 87 ригсдалеров sougants в год. За это (жалованье) они обязаны

во всякое время (дня и ночи?), если только погода и ветер позволяют, вводить и выводить суда. Со шкипера они ничего не могут требовать, разве сам он добровольно пожелает дать им небольшое вознаграждение за их труд. Но таможенному инспектору шкипер должен уплатить таможенный и лоцманский сбор, по одному ригсдалеру за каждые 20 ластов вместимости судна; (сбор этот) зачисляется в королевские доходы.

Я осмотрел те восемь быков, что поставлены перед (стенкой) кораблей в Пиллауской гавани для ограждения судов ото льда, идущего весной при половодье от Кёнигсберга. Быки поставлены один от другого на расстоянии, (соответствующем) ширине большого корабля. С внешней стороны, (обращенной) к морю, они остры, а с внутренней, (обращенной) к земле, широки. Построены они в виде наклонных треугольников и сзади почти на 3 фута возвышаются над водой. Сделаны они из бревен, вбитых в дно тремя наклонными рядами, из которых два наружных расходятся в стороны, образуя полость упомянутых (?) ящиков (sic). Последние наполнены камнями и окованы и обвязаны вокруг крепкими железными полосами и болтами.

В (Пиллауской) крепости в одной и той же церкви совершается и кальвинское и лютеранское богослужение. Одно воскресенье служит лютеранский (священник), другое кальвинский.

Чуть не по всей Пруссии, да и в других краях, распро-

странился (слух), будто в Кёнигсберге лютеране и кальвинисты причащаются (вместе) вперемежку. По тщательной проверке этого слуха, я убедился, что возник он из следующего (соглашения), состоявшего между лютеранским и кальвинским священниками кёнигсбергского сиротского дома, помимо чьего бы то ни было согласия, одобрения или приказа, единственно по собственному их взаимному стремлению к сближению разных вероисповеданий (syncretismus).

3 июля лютеранский священник, проповедовавший в сиротской церкви, объявил с кафедры общины, что (на следующее воскресенье) назначено причащение для реформатской общины и что накануне, в 2 часа, в церкви будет (читаться) приготовление (к причастию). В этот подготовительный день проповедь говорил кальвинский священник, на текст 1, Кор., XI, ст. 28, после чего, по обыкновению, (причастники) заявили о желании причаститься. На следующий день, 10 июля, третье воскресенье после Троицы, за обедней (снова) проповедовал кальвинский священник, (в этот раз) на обычный текст Евангелия от Луки, XV: 1–7, а после проповеди был прочитан обычный употребительный в кальвинской церкви предпричастный *formalar*. По окончании молитвы подошел к трапезе лютеранский священник, затем причастники стали брать преломленный хлеб из рук кальвинского священника, а у лютеранского Святую Чашу. Наконец, лютеранский священник преломил хлеб для своего сотоварища, подал ему его, а равно и Чашу. При таинстве оба

пользовались формуляром, принятым в кальвинской церкви. Во время причащения пели 103-й псалом Лобвассера⁵⁴. (Обедня) закончилась благословением и (словами) «Gott sey gelobtt etc». После обедни кальвинский священник огласил на следующее воскресенье причащение для лютеранской общины – 16 июля, в субботу, накануне 4-го воскресенья после Троицы, при приготовлении к причастию проповедовал, по обыкновению, лютеранский священник. Темой его был ст. 12 ислама LI. 17-го того же месяца, в четвертое воскресенье после Троицы, проповедовал он же, на текст Евангелия того дня, от Луки VI, 36. По окончании проповеди он подошел к трапезе одновременно с кальвинским священником и там прочитал лютеранский предпричастный формуляр. Затем выступили вперед причастники и приняли хлеб от лютеранского священника, а Чашу от кальвинского. В заключение, кальвинский священник (предложил) хлеб и Чашу своему сотоварищу. При причащении произносимы были слова, принятые во лютеранской общине, и пели «Jeszu meine Frende», затем прочитано благословение.

Король Прусский одобрил было этот поступок (лютеранского и кальвинского священников), но так как против оно-го с обеих сторон вооружилась теология, то, во избежание больших волнений, король немедленно запретил говорить об

⁵⁴ Известный автор подражаний псалмам Давида, Амвровий Лобвассер (Ambrosius Lobwasser), профессор правоведения в Кёнигсберге (р. в 1515, ум. в 1585).

этом (деле) и обсуждать его: что уже было сделано, то должно было остаться без последствий. И с тех пор действительно это более не повторялось. (И так) вот что дало повод к вышеприведенной лишенной (всякого) основания басне.

В Пиллауской крепости находится своего рода экзерциц-академия, в которой имеются учителя танцев, фехтования и верховой езды: сюда знатные люди посылают своих детей учиться разным военным и гражданским упражнениям. (Они) охотнее посылают их (в Пиллаускую крепость), чем в Кёнигсберг, так как (пребывание) в Кёнигсберге дает повод к беспутству, какового нельзя предполагать в крепости, где (учащиеся) более стеснены и находятся под более бдительным надзором, вследствие чего успевающие могут совершенствоваться.

10-го. (В Пиллау) прибыл русский капитан Станислав Лец (Stanislaus Lets), участвовавший в сражении русских со шведами под Полтавой и посланный царем к русскому послу в Голландии. (Лец) подтвердил все те (вести о Полтавской битве), которые получены были ранее, по почте.

11-го. В церкви Пиллауской крепости, во воскресенье, во время проповеди, стояла пред алтарем одна женщина, совершившая прелюбодеяние: лишь только произнесены были слова таинства и настало время причащения, ее выслали из церкви, ибо в Пруссии, у лютеран, в силу существующего обычая, лицо, совершившее прелюбодеяние, прежде чем быть допущено к причастию, должно три воскресных

(обедни) кряду стоять посреди церкви и быть высылаемо (вон) перед причастием. Это имеет некоторое сходство с коммуникацией, существовавшей в перво(начальной) церкви. После такой (епитимии) священник произносит над (караемым) лицом благословение, после чего оно допускается к причастию.

В Пиллау, вследствие постоянного противного ветра, я пробыл с 34 июля по 11 августа, (но в этот последний день) ветер сделался благоприятным, и, сев после богослужения, в 10 часов (утра), на судно, я немедленно вышел на парусах из Пиллау. Погода (была) тихая, ветер слабый, восточный. Против крепости я (велел) салютовать девятью выстрелами; (крепость) отвечала мне тем же (числом выстрелов). Так как судно («Ферэ») сидело настолько глубоко, что без предварительной разгрузки и облегчения не могло перейти через мели, (находящиеся при входе) в гавань, то мы, (выйдя из гавани), бросили якорь на пиллауском рейде, на 12 сажнях глубины, куда к нам подошел, с нашим вооруженным балластом, Bording (так называются барки, нанимаемые для разгрузки входящих судов и для подвоза балласта на (уходящие) суда). Балласт (этот) начали тотчас же (снова) грузить (на наш корабль). Принятие его окончили в 9 ч. вечера; затем мы подняли (наши) шлюпки, снялись с якоря и в 10 часов тронулись в путь при легком бризе OtS. Курс (наш) был NNW.

12-го. Ветер тот же, при хорошей ясной погоде; курс NtW

и N. Утром в 4 часа показался Briisterort в направлении O и OtS, приблизительно в расстоянии трех миль. При солнечном восходе определились по солнцу и нашли, что компас отклоняется к норд-весту на полрумба. По расчету, к полудню место (где мы производили измерение) находилось от нас в 8 милях к SO, на четверть (мили?) южнее (?). Курс NtO.

13-го. Ветер южный, легкий бриз, при хорошей ясной погоде. До 9 часов шли по курсу NNO и NOtN, потом NO. В полдень, по расчету, Либава находилась от нас к OtN в расстоянии $5\frac{2}{4}$ мили. Удачно определились по солнцу; (находились мы) на $56^{\circ}33'$ сев. шир. В 8 часов вечера увидели со стеныги, к OtN, берег приблизительно в 5 милях расстояния (и) заключили, что это так называемый замок герцога Альбы. Курс N, ветер прежний.

14-го. Свежий бриз SW; курс NtO. В полдень, по расчету, Виндава находилась от нас в $10\frac{1}{2}$ мили к SOtS; удачно определились по солнцу; (мы находились) на $58^{\circ}6'$ сев. шир. Курс NOtN. Пополудни бриз SSW засвежел, пошел дождь, и стало пасмурно; ввиду (ветра) поставили с правого борта Schonfarseil и бизань. В течение всей ночи до свету были относимы к NO.

15-го. Свежий марсельный бриз WSW, при довольно ясной погоде. Снова поставили паруса, в 3 часа утра увидели Дагерорт к OtS, в расстоянии $2\frac{1}{2}$ мили. Курс между N и O, кругом Некманской мели, а затем OtN. В полдень (прошли) мимо Экгольма, оставшегося в одной мили от нас к OtS. В

8 часов вечера, при довольно свежем бризе, прибыли на ре-
вельский рейд, (где встали) на якорь.

16-го. Снявшись в 3 часа утра, пошли под парусами при
прежнем марсельном бризе WSW (и) ясной погоде. По уxo-
де с револьского рейда (и) до 8 часов (шли по) курсу ONO
и OtN, потом до 12 часов O. (В полдень) прошли по полрас-
стояния пушечного выстрела мимо острова Эггольма, (на-
ходившегося от) нас к SW. Около полудня, (в то время как
мы) таким образом шли вдоль лифляндского берега, я за-
метил в одной бухте, восточнее (названного) острова, при-
близительно в миле (от нас), стоявший на якоре шведский
фрегат; бухта эта зовется Каспервик. Указанный фрегат тот-
час поставил паруса и, будучи на ветре, спустился по ветру.
Командор-камитан Тамбсен, увидев, что швед хочет с ним
говорить, приказал убрать большой парус, чтоб дожидаться
(фрегата). Хотя командиру шведского судна не трудно было
зайти вперед и лечь в дрейф, чтобы подождать (приближе-
ние) корабля «Ферэ», тем не менее, однако, он обошел его
сзади и, несмотря на то что по (нашим) флагу, гюйсу и вым-
пелу мог ясно видеть, что то королевский датский корабль,
а к тому же из уборки большого паруса заключить, что (мы)
замедлили ход, дабы подождать (его), а не бежать, – таки вы-
стрелил вперед (нас) боевым выстрелом. Вслед за этим, что-
бы скорее вступить с ним в разговор, (мы) еще убавили па-
русов. Курс (держали) OtS. Ветер был SW, слабый бриз. Ко-
гда (фрегат) поравнялся (с нами), (мы) спросили (команди-

ра), чего он желает? (Со своей стороны) он осведомился, не идем ли мы в Нарву? Мы попросили его прибыть к нам на судно на своей шлюпке, если он желает говорить с нами. (На это) он сказал, что если мы (намереваемся) идти в Нарву, то можем тотчас же повернуть назад, и (отвечал), что мы на нашей шлюпке должны прибыть к нему на судно. Несмотря на заявления наши, что (на судно) к другому должен прибыть тот, кто имеет сказать ему что-либо, (командир шведского фрегата) ни за что не хотел на это соглашаться, ввиду чего, для окончания пререканий, (мы) послали к нему шлюпку с лейтенантом Снидсторфом⁵⁵ объявить, что судно (наше) королевский датский транспорт и везет его величества короля датского чрезвычайного посланника, дабы высадиться в Нарве (с тем), чтобы оттуда ехать далее в Москву. Лейтенант Снидсторф вернулся со шведским капитан-лейтенантом Авраамом Дикманном (Abraham Dich-mann). В ответе на наши расспросы последний сообщил, что королевское шведское судно называется Wolgast (и находится) под командой премьер-лейтенанта Йонаса Скрува (Jonas Skruw).

Я выразил (Дикманну), до какой (степени) мне представляется странным и неслыханным – в мирное время стрелять боевым выстрелом по королевскому кораблю, когда (существует) сигнал, (по которому) королевский корабль, желаю-

⁵⁵ Hans Jensen Snidstorph, у Юля Snisdorff, – назначенный в 1706 г. премьер-лейтенантом, был после этого похода произведен в капитан-лейтенанты; умер в 1712 г. в чине капитана (см.: Gardes Efterr., IV).

щий говорить с другим королевским кораблем, производит холостой выстрел с противоположного от него борта и может вступить с ним в разговор только после произведенного таким же образом ответа. Ввиду того что его капитан (прибавил я) не последовал (в этом) общепринятым морским (правилам), а (поступил) необычно, невежливо и враждебно, я предоставляю себе в будущем жаловаться от имени его королевского величества, моего всемилостивейшего государя и короля, на подобный (образ действий). Выстрел снарядом лейтенант (Дикманы) неудовлетворительно оправдывал тем, что нельзя верить флагу и вымпелу, ибо под их прикрытием всякий мог бы идти торговать в Нарву.

Затем я спросил у шведского лейтенанта, что имеет мне сказать его капитан или о чем (хочет) со мной говорить? Он отвечал на это, что (их фрегату) приказано задерживать и приводить к адмиралу Анкарстьерна⁵⁶, начальнику шведской эскадры, стоящей у Бьёрке, в финских шхерах, все без исключения суда, идущие в Нарву или из Нарвы, кому бы они ни принадлежали и под каким бы предлогом ни шли. Я

⁵⁶ Cornelius Didriksson Thiessen (р. в 1655, ум. в 1714) выслужился из простых матросов и дослужился до адмирал-генерал-лейтенанта; в 1678 г. назван Anckarstjerna и возведен в дворянское достоинство в награду за храбрость, с какой защищал против датчан свой корабль Kalmar Kastell, атакованный более сильным неприятелем, причем старался потопить себя выстрелами в свой трюм; в 1692 г. пожалован бароном; в 1700 г. прикрывал высадку шведов в Хумлебеке; в 1705–1709 гг. предводительствовал эскадрой в Финском заливе. Ему, впрочем, не удалось помешать смелой закладке Петром Великим, в самый разгар войны, Петербурга (см. об этом подробнее в автобиографии Размуса Эребо).

возразил, что его величество король Датский послал меня, в качестве своего чрезвычайного посланника, к царскому двору и предоставил мне свой королевский корабль для перехода в Нарву, где я должен был высадиться, чтобы ехать далее в Москву. Дабы вполне убедить его в этом, я показал ему мой паспорт за собственноручной (подписью) и печатью короля. Он отвечал (на это), что (ему) строго воспрещено пропускать кого бы то ни было. (Затем я) послал Дикманна, на шлюпке с «Ферэ», обратно (на шведский фрегат) сказать его капитану, что, несмотря на его запрещение, я намерен продолжать путь в Нарву; при этом я просил (Дикмана) обратить внимание капитана на последствия, которые могут произойти (от) задержания (датского) королевского судна, особенно (в данном случае), когда оно везет посланника, пользующегося (по званию своему) у всех народов вежливым (обхождением) и свободой. Пусть (капитан) примет в соображение, что подобно тому, как поступают со мной здесь, могли бы, быть может, поступить (и) со шведским посланником (в Дании), который, однако, не только в настоящее время пользуется полной безопасностью, но (пользовался ей и) в 1700 году, когда (между Данией и Швецией) была на самом деле война и шведский флот стоял против Копенгагена.

По возвращении (на «Ферэ») шлюпки, отвезшей (Дикманна), я приказал прибавить парусов и продолжать путь на Нарву. Тогда командующий фрегатом, шведский премьер-лейтенант Ионас Скрув, сам прибыл ко мне на судно.

Сказал он то же, что и его лейтенант, ввиду чего я и ему предъявил свой паспорт, с которого (вдобавок) дал ему точный список за моей подписью. (При этом) я заверил и его, так же как сделал это относительно его лейтенанта, что судно (наше) остановится только на нарвском рейде и что по свозе на берег моих людей и вещей оно тотчас же пойдет обратно в Копенгаген. Вдобавок я заверил (премьер-лейтенанта Скрува), что на (нашем) судне нет ничего, что могло бы (послужить) к усилению царя в ущерб шведам или что назначалось бы для содержания либо вооружения (русской) армии; (что), с другой стороны, (на нем) нет ни одного царского офицера или подданного, а также никого, кто желал бы сделаться таковыми. Если он мне не верит, пусть сопровождает меня на своем фрегате на нарвский рейд, и там при выгрузке моих вещей я предоставлю его шлюпке держаться на расстоянии ружейного выстрела от (нашего) судна, дабы (он мог) убедиться, что (в данном случае) не скрывается никакого обмана или хитрости. Я выражал также готовность, в случае если (Скрув) не верит моим словам, выдать (ему) на этот (предмет) письменное (удостоверение). Далее (я) объяснил ему, что (если) король шведский препятствует морскому сообщению с Нарвой, (то делает это) единственно затем, чтобы не допускать усиления неприятеля через подвоз оружия или военных припасов, а что (наш) корабль ничего подобного с собой не (везет) и потому не подлежит задержанию. Со своей стороны (Скрув) утверждал, что должен следовать (по-

лученному) приказанию и воспрепятствовать (продолжению нашего) путешествия. На это я сказал, что, если ему угодно и если он считает то соответствующим полученному им приказу, он может стрелять по (нашему) судну. Тут он поехал назад (на свой фрегат), а я, велев вторично поставить паруса, продолжал путь к Нарве. Курс (держали) на восток; ветер был SSW и S.

Когда судно (наше), несколько отставшее вследствие уборки парусов, (снова) поравнялось с (фрегатом), (Скрув) опять (приказал) выстрелить по («Ферэ») боевым выстрелом, (но) снаряд (в нас) не попал. Распорядился ли он относительно промаха (нарочно, или таковой случился по вине того, кто направлял орудие), мне неизвестно. Затем (Скрув) снова прислал (к нам) на судно своего лейтенанта, велел через него сказать, что выстрелил (он) снарядом, желая предупредить нас, что если ему не удастся убедить нас вернуться (добровольно) или зайти с ним в порт (и ждать там) получения им дальнейших приказаний от его адмирала, к которому он пошлет лодку, то он силой и неприятельскими действиями помешает нам идти в Нарву; при этом (лейтенант) показал инструкцию (Скрува), подписанную за отсутствием адмирала Анкарстьерна вице-адмиралом де-Пру⁵⁷.

(Я отвечал), что общаться со мной долее излишне, что бо-

⁵⁷ При адмирале Анкарстьерне, вице-адмирал Iacob de Prou был старшим на шведской эскадре во Финском заливе. Следующей весной он сам командовал в Балтийском море эскадрой в 16 кораблей и 4 фрегата (см.: Nordberg: Carl XII; Gyllengranat: Sveriges Sjökrigshistoria I, 289).

евыми выстрелами (Скрув) проявил относительно меня, как посла, враждебные действия и таким образом поступил против закона, свято и нерушимо соблюдаемого всеми народами, и что я все-таки намерен продолжать путь, (хотя бы пришлось подвергнуться) его (залпу) всем бортом. С этим ответом лейтенант уехал. Затем мы снова поравнялись с («Волгастом»), причем нас спросили с него, не хотим ли мы нарушить мир. (Мы) отвечали, что нарушаем мир не мы, а он, уже стрелявший (по нас) снарядами, так что от его усмотрения будет зависеть продолжать (по нас) стрелять, если (то) доставляет ему удовольствие, или же прекратить (эту стрельбу). (Скрув), прислав (к нам) опять свою шлюпку, велел в последний раз передать, через своего лейтенанта, что если я добровольно не соглашусь вернуться, он силой помешает продолжению (нашего) путешествия; (но) тут ветер, который, начиная с полудня, время от времени стихал, сменился штилем, пасмурной погодой и дождем (и под конец обратился) в совершенно противный, так что при нашем положении, между рифами, обоим нам предстояли другие заботы, дальнейшие же переговоры друг с другом (пришлось отставить). В 6 часов (мы) вынуждены были поворотить оверштаг назад; затем в течение часа или WSW, наконец, чтобы не сесть на мель, должны были встать на якорь. Встали между рифами, на глубине 13 сажен, близ прибрежного местечка, называемого Wirku. Ночью (шведский фрегат) стоял на якоре в расстоянии двух-трех пушечных выстрелов от меня.

(Еще) в сумерки, (когда мы) стояли на якоре, (к нам) прибыл (его) унтер-лейтенант (и) еще (раз), от имени своего капитана, просил меня изменить курс, ибо в противном случае, (говорил он), мне помешают силой. При дальнейшем разговоре со мной лейтенант сознался, что (как) ему (самому), (так) и его капитану было заранее известно о моем прибытии.

17-го. На рассвете (лейтенант) снова приехал (к нам) с тем же требованием, прося, чтобы квартирмейстер его шлюпки присутствовал (при нашем разговоре и был) свидетелем того, что он (лейтенант) скажет, каковая (его просьба), хотя необычная и бессмысленная, была уважена (из снисхождения) к его слабо(умию). Он повторил свои настояния относительно того, чтоб я шел назад; потребовал выдачи ему (с нашего) судна лоцмана, а также (разрешения) осмотреть (наш) трюм. По всем этим пунктам ему было отказано. Затем послана (на шведский фрегат) шлюпка с королевским секретарем Петром Фальком и лейтенантом Снидсторфом. Так как (из слов), сказанных накануне вечером шведским лейтенантом, можно было заключить, что он и его капитан знали о моем приходе, (Фальку и Снидсторфу) приказано было (точнее) разузнать об этом. (Шведский) капитан, или, (вернее), командующий лейтенант, равно как и унтер-лейтенант, сознались (Фальку и Снидсторфу), что давно (уже) имели точные сведения о моем прибытии и что на нарвском рейде меня стерегут два (других шведских) фрегата, не считая того, который я сам мог видеть на якоре под Stok-Eiland'ом, а

также других крейсеров вдоль берега, коих еще нельзя было видеть. Капитан выдал (мне) точную (засвидетельствованную) его подписью копию с той части его инструкции, которая предписывала ему задерживать все суда, шедшие в Нарву, к какой бы стране они ни принадлежали и под каким бы предлогом ни (шли). К этому он присовокупил, что так как (наше) судно королевский корабль и (везет) посланника, то он (Скрув) не настаивает на отводе его к шведском флоту, стоящему у Бьерке, а требует лишь, чтобы оно вернулось назад (и), по мере возможности, приложить все старания к тому, (чтобы требование это было исполнено). В заключение (Скрув поклялся) великой клятвой, что если он этого не делает, то поплатится головой. Далее прибавил, что он (и сам) знает, как следует относиться к посланнику, но что в данном случае, если бы даже (сам) король Датский лично находился на (нашем) корабле, он не мог бы поступить иначе.

(Тогда), приняв в соображение:

1) что всемилостивейшим указом по сему предмету, данным мне в Берлине⁵⁸, его величество, мой всемилостивей-

⁵⁸ Путешествие на Нарву, взамен поездки на Архангельск, было решено ранее посещения Юлем короля в Берлине. Поездку на Архангельск король находил слишком длинной; другой же путь, о котором затем думали, – на Кёнигсберг и далее сухим путем через край, разоренный шведами и все еще опустошенный ими, – нашли слишком опасным, но и при поездке морем в Нарву имелись в виду возможные со стороны шведов задержки и другие неприятности, которые и произошли на самом деле. Ожидали даже более серьезных осложнений. Это видно из проекта инструкции от 6 июля 1709 г., выработанного Юлем по приказанию короля, в Потсдаме и хранящегося в государственном архиве в Копен-

ший государь и король (между прочим) предписывал мне вернуться назад в том случае, если по (моему) кораблю будут стрелять снарядами, а это случилось уже двукратно;

2) что его королевское величество запретил отвечать (на выстрелы) выстрелами;

3) что шведский фрегат («Волгаст»), имевший 26 орудий, из коих (стоявшие) за мачтой были 12-фунтовые, и с лишком 120 человек команды, в том числе (человек) сорок солдат, был не только равносильен с «Ферэ», но и сильнее его⁵⁹;

4) что по двум боевым выстрелам и из заверения (шведов), что им было известно о приходе (нашего) судна, я легко мог заключить (о) твердо (принятом ими) решении нарушить *jus gentium* (международное право);

5) что на виду у нас, у Шток-Эйланда, стоял другой шведский (корабль);

6) что, если, быть может, я и обогнал бы («Волгаста») и пришел бы на нарвский рейд за час до него, то все-таки в конце концов он и (другие) стоящие там (шведские суда) не только помещали бы мне высадиться на берег, но и, несомненно, привели бы (наш корабль) к (шведскому) флоту в шведские шхеры – приняв все это в соображение, я, совмест-

гагене. Проект этот, предписывающий Юлю, как ему поступить при разных случайностях во время его поездки, снабжен по каждому пункту резолюцией короля, помеченного Берлином, 12 июля. Между прочим, инструкция эта предлагает Юлю «в крайнем случае» бросить его польские документы в море.

⁵⁹ «Ферэ» был фрегат с 20 шестифунтовыми пушками и 70 человеками команды (см.: Gardes Efterretn. II, с. 4 и 95).

но с командор-капитаном Тамбсенем, решил (от)лавировать назад, чтобы вывести корабль из (его) опасного между рифами положения, и, (так как) ничего нельзя было сделать и не было возможности пройти в Нарву, (то я) предпочел побережь людей и переменить принятое накануне вечером решение подвергнуться (со стороны шведского флота) залпу всем (его) бортом. Тут я послал на фрегат секретаря миссии Фалька и лейтенанта Снидсторфа, первого – протестовать от моего имени против насилия, сделанного относительно меня *contra jus gentium*, а второго – протестовать от имени командор-капитана Тамбсена против глумления, которому подвергся вверенный ему его королевским величеством королем датским корабль, в отношении которого не было никакого основания действовать неприятельским (образом), тем более что судно это было транспортом, снаряженным единственно для моего путешествия в Нарву, а не (судном), вооруженным для (военных целей) и высланным воевать. В то же время я известил (Скрува), что предполагаю отлавировать назад в первую гавань и, дождавшись (там) благоприятного ветра, идти обратно в Копенгаген.

По возвращении нашей шлюпки (мы) снялись, при WtW, с якоря и принялись лавировать многими галсами, поворачивая от рифов на глубине 12 сажен, а от берега на глубине в 10 сажен. Шведский фрегат тоже пошел под парусами. Вечером (наше судно) встало на якорь против бухты Каспервик на глубине 22 сажен, на вязком грунте. К NW (от нас)

на расстоянии четверти мили лежал остров Эггольм. Вечером шведский фрегат, не дойдя (до нас), бросил якорь в двух милях.

Из (рассказанного можно) судить о прирожденном высокомерии шведов, (проявляющемся) в их действиях относительно кораблей даже тех иностранных государей и властителей, с которыми они находятся в мире. (Шведы) мешают плаванью не только торговых судов (других государств), пользующихся одинаковым с ними *dominio maris*, но и королевских кораблей, (имеющих) флаг и вымпел, (и) при том (в тех) даже (случаях), когда на них отправляются посланники по таким важным делам, (по каким был послан я).

Будучи крайне огорчен, что через мое возвращение замедляется поручение его королевского величества, и желая избежать этого, я решил написать к шведскому адмиралу Анкарстьерну письмо и переслал оное с оказией в Бьерке; (я хотел) попытаться убедить его предоставить мне возможность продолжать путь. В ожидании ответа я думал оставаться под Эггольмом на якорю; (я хотел) избежать упрека (в том), что не испытал всех средств к продолжению моего путешествия, (имевшего предметом) поручение его величества. Письмо это к адмиралу я (действительно) написал, горько жалуясь в нем на невежливое задержание, происшедшее, по моему мнению, не по незнанию задержавшего меня, а по наперед обдуманному нарочитому приказанию (самого) адмирала, о чем я заключал из признания команду-

ющего шведским фрегатом лейтенанта Йонаса Скрува, что (ему) давно известно об (ожидавшемся) приходе королевского датского судна с посланником на борту. Ввиду этого я (в будущем) предоставлял себе жаловаться как на (самого) адмирала, так и на задержавшего меня лейтенанта Йонаса Скрува, причем не сомневался, что мой всемилостивейший государь и король сумеет в свое время (истребовать) удовлетворение за бесчестие и насилие, которым подверглись его флаг и посланник, и проч.

(Письмо это) занесено в мою копировальную книгу⁶⁰.

Но 18-го и 19-го был такой свежий бриз NO, что шведский фрегат не мог ко мне подойти, ввиду чего отправление письма пришлось отложить до —

20-го. (Шведский фрегат), лавируя, подошел (ко мне) и вечером встал на якорь в расстоянии меньшем пушечного выстрела. Тут я немедленно послал к нему шлюпку с письмом на имя адмирала Анкарстерна, прося отправить оное по назначению. (Скрув) безотлагательно, в тот же вечер, послал свою шлюпку на берег и распорядился об отправлении письма следующим утром, на рыбацкой лодке, в Бьерке. (Пошло оно) в 4 часа (утра).

21-го. Брамсельный бриз SW.

22-го. Слабый бриз WSW. После полудня съезжал на бе-

⁶⁰ Книга эта (Breve-Protocolle) хранится в государственном архиве в Копенгагене. Из нее видно, что письмо Юля к адмиралу Анкарстерну было помечено 20 августа. Содержание его приведено выше довольно подробно.

рег и осмотрел бухту Каспервик на лифляндском берегу. (В бухте этой) есть большая прекрасная гавань, с которой по моему приказу снят был точный план; я убедился, что в гавани этой, по ее положению, при всяком ветре, за исключением одного (лишь) северного, может стоять одновременно, в полной безопасности, сотня военных судов.

23-го. Свежий марсельный бриз NWtW. После полудня я съезжал на Эггольм. На островке этом, где пасется скот, принадлежащий береговым жителям, нет ни людей, ни жилищ. Один край его песчаный, имеет небольшую (заросль) кустов; (все) остальное камень.

24-го. Брамсельный бриз SW. Мы посылали на берег шлюпку за съестными припасами. Прибрежные жители рассказывали, что их несколько раз грабили русские войска и что обер-лейтенант шведского фрегата «Волгаст» велел, чтобы всякий раз, как они будут выходить ко мне (на гребных лодках) для продажи (припасов), они шли от меня к нему и уведомляли, за каким делом ко мне (ходили). Под конец он даже вовсе запретил (им) подавать (нам) что бы то ни было и (вообще) выезжать к (нам), вследствие чего (мы) порой испытывали большой недостаток в (съестных) припасах. При этом упомянутый обер-лейтенант, тогдашний капитан фрегата «Волгаст», был так недоверчив, что лишь только я или кто-нибудь другой отплывали на шлюпке от судна, он приказывал своей шлюпке идти вслед (за нами) и смотрел, что мы (будем) делать.

26-го. Порывистый марсельный бриз SW.

Около полудня с нарвского рейда прибыла шведская бригантина Vaderen («Овен») под командой обер-лейтенанта Дукласа.

Я послал просить Йонаса Скрува, чтобы он помог мне купить у местных жителей несколько лодок для моего переезда и (для перевоза) моих вещей в Нарву. На это он отвечал, что отнюдь не может позволить, да и на (самом деле) не позволит мне идти в Нарву.

Вечером ветер перешел к SSO, и, хотя он стал благоприятен для путешествия в Копенгаген, тем не менее я решил простоять на месте ту ночь и еще одни сутки, с тем чтобы дожидаться ответа от шведского адмирала, каковой (ответ) мог, по моему расчету, прийти в этот срок. (Вообще) пока оставалась надежда на (возможность) совершить путешествие (в Нарву), предпочитал не возвращаться (в Данию).

27-го. Прежний марсельный бриз SSO. Я не изменил решения переждать тот день (на якоре). Снова обменялся посланиями с лейтенантом Скрувом, (отправив к нему) королевского секретаря миссии Петра Фалька. (Я) повторил прежнюю мою просьбу о (найме) лодок для переезда в Нарву, предложив его шлюпке держаться на веслах в половинном расстоянии пушечного выстрела от (нашего) судна и следить за тем, чтобы в эти лодки ничего, кроме моих (людей и вещей), не грузилось. При этом я заверил его, что после моего ухода на парусной лодке («Ферэ»), не заходя в Нарву,

вернется в Копенгаген при первом благоприятном ветре.

В этой моей просьбе (Скрув) по-прежнему мне отказал. (Вообще) во всех (отношениях) он был весьма неучтив, (но) особенную (невежливость) проявил в том, что приказал своей шлюпке задержать возле самого «Ферэ» ялик (jolle), шедший к (нам) для продажи съестных припасов, притащил его к (своему) судну и арестовал находившихся в (нем) людей – под тем предлогом, (что) ночью они будто отправили на лошади в Нарву одного из моих людей, что, (впрочем), было вымышлено им (самим).

Пред полуднем (мы) увидели два парусных судна, лавирующих со стороны Hogland'a. То были королевский шведский фрегат и королевская шведская бригантина. Когда фрегат приблизился к (нам) на расстояние двух-трех пушечных выстрелов, я послал (на него) секретаря Фалька узнать, не привезено ли мне от шведского адмирала Анкарстьерна писем или ответа на посланное ему письмо. Но лейтенант Ионас Скрув, начав невежливостью, (невежливостью) же и кончил: велел своей шлюпке выехать навстречу моей и запретил (последней) идти к шведскому фрегату. (Приказания) своего (он) не отменил и тогда, когда его уведомили, что (Фальк) послан по моему распоряжению, (и) таким образом секретарь должен был вернуться назад, не исполнив (моего) поручения. После того как шведский корабль встал на якорь, (я) снова послал с тем же поручением королевского секретаря миссии и лейтенанта Снидсторфа. Когда (Фальк) съез-

жал с судна, фрегат сделал четыре выстрела, на какие я велел ответить тремя. (Как я) тут узнал, фрегат назывался Falken («Сокол») (и находился) под командой капитана Анкарстерна, а бригантина называлась Gidtha и была под командой обер-лейтенанта Сэстерна⁶¹. (Узнал я) также, что капитан Анкарстерна имеет ко мне от своего отца, адмирала, письмо и собирается безотлагательно, привезти его ко мне на судно. Действительно он (приехал) тотчас же. Письмо (адмирала), написанное весьма вежливо, заключало в себе между прочим разрешение (мне) ехать в Нарву и (оговорку), что фрегат и бригантина, которым и без того назначена там стоянка, будут сопровождать меня на нарвский рейд. Так как (капитан Анкарстерна) выказал относительно меня большую вежливость, то (мы) распили (с ним) по стакану вина за здоровье обоих наших королей, (причем) производились выстрелы (из пушек). При его съезде с (нашего) судна тоже сделано девять выстрелов. В то время было (уже) слишком поздно, чтобы ставить паруса (и) идти далее.

28-го. Утром слабый бриз SSW. Поставили паруса, но так как к полудню ветер совсем стих, то принуждены были

⁶¹ Барон Hans Ankarstjerna был сын упоминаемого выше адмирала. В 1710 г. он совершил на фрегате Oeland счастливый поход и при сдаче Ревеля освободил из плена нескольких земляков. В 1715 г. произведен в вице-адмиралы. Впоследствии как он, так и оба капитана Sostjerna, Aron и Anders (здесь, несомненно, идет речь об одном из них), командуя каждый отдельным кораблем, сошлись с Юлем в битве у берегов Померании, где этот последний, начальствовавший на корабле Justitia авангардом датского флота, был убит пушечным ядром (см.: Nordberg: Karl. d. XII. Hist, и Garde: Efterr. om den d. og n. Somagt II).

встать на якорь у Tolsberg'a. Я посетил (на «Соколе») капитана Анкарстьерна. При моем съезде (он) приказал сделать 16 выстрелов.

29-го. Ввиду благоприятного, хотя и слабого, бриза (мы) поставили паруса и пошли OtS. Днем бриз усилился. Но так как засветло мы не успели бы достичь нарвского рейда, то остановились примерно (на высоте) Tribergen'a, на глубине 11 сажен (и) вместе со шведским фрегатом и обеими шведскими бригаantinaми простояли там ночь.

30-го. Снявшись рано утром, прибыли в 5 %^ч –^{на} нарвский рейд, где вместе с фрегатом и обеими бригаantinaми встали на (якорь) на глубине 10 сажен.

Я тотчас же послал секретаря королевской миссии Фалька и лейтенанта Снидсторфа на шлюпке на берег известить нарвского коменданта о моем прибытии. (Но) в полдень шлюпка пришла обратно: офицеры русской береговой стражи не позволили ей приблизиться к берегу и идти в Нарву. Вернули они ее, требуя присылки письма к нарвскому коменданту, каковое они (впоследствии и) получили от секретаря Фалька. (То было) письмо русского посла в Копенгагене⁶² к русским властям вообще, какие первые мне встретятся. Письмо это они обещались доставить коменданту до (на-

⁶² В то время нашим послом в Копенгагене был князь Василий Лукич Долгоруков, впоследствии послан в Швецию, а затем во Францию, позднее член Верховного тайного совета; в 1730 г. отставлен от службы за стремление ограничить власть Анны Иоанновны при восшествии ее на престол; в 1739 г. (26 октября) казнен в Новгороде (Сб. Ими. Рус. ист. общ. L и LXI; Соловьев XV, 338).

ступления) вечера, с собственной лодкой, и прислать мне ответ.

31-го. Так как обещанного ответа от нарвского коменданта я не получил, то рано утром послал на берег секретаря Фалька и лейтенанта Снидсторфа с подлинной моей проезжей (или подорожной) грамотой⁶³.

⁶³ Латинский текст ее вписан в подлинный дневник (очевидно, впоследствии, частью на полях). Хотя грамота эта, составленная по обычному образцу тогдашних паспортов, особого интереса и не представляет, тем не менее для полноты помещаем здесь ее перевод: «Мы, Фредерик IV, Божией милостью король Датский (и проч.), всем и каждому, кто прочтет эту нашу королевскую грамоту, объявляем (следующее). Так как нам угодно было назначить чрезвычайным посланником нашим в (государство) Московское благородного и любезного нашего морского капитана первого ранга Юста Юля, усердно и верно нам преданного, то мы сочли за благо снабдить его в это путешествие, ради безопасности и удобства, (сей) рекомендацией и нашим королевским охранным письмом; вследствие чего всех и каждого, кого это будет касаться, – королей, князей, городские власти, начальников крепостей, флотов и гаваней, в королевства, княжества, города, округа, моря и гавани которых прибудет по какой бы то ни было причине вышеназванный чрезвычайный наш посланник, дружественно, благосклонно и милостиво просим и требуем, чтобы он со своей свитой, прислугой, лошадьми, повозками, сундуками и со всем, при нем находящимся, не только везде пользовался безопасным путем, беспрепятственно останавливался и продолжал свою дорогу, но чтобы по мере надобности ему оказываемо было всяческое благорасположение, помощь и содействие. Всякие (такого рода) знаки дружбы и внимания мы примем с особенным удовольствием и не преминем, когда представится случай, вознаградить (кого надлежит) нашей королевской дружбой, благорасположением и милостью. В королевстве же нашем повелеваем исполнить нашу волю по сему приказу. В удостоверение (сего), настоящую грамоту, подписанную рукой нашей, утвердили нашей королевской печатью. Дана в Потсдаме 7 июля 1709 года. *Фредерик К(ороль)*».

Сентябрь

3-го. Отчасти по причине бури, отчасти вследствие задержек (на берегу) секретарь миссии Фальк вернулся на судно лишь (сегодня). Как он передавал, ему не позволили идти на шлюпке дальше устья (Нарвы) и оттуда повезли в город верхом под стражей из двенадцати казаков; (в Нарве поместили) в одном доме, запретив как ему самому, так и находившимся при нем людям высовывать (нос) на улицу. После продолжительного сидения в означенном доме (Фалька) привели наконец к коменданту, полковнику Василию Зотову ⁶⁴.

Показав ему мой подлинный королевский проезжий лист, Фальк потребовал, чтобы меня встретили и пустили на берег; но комендант, подозревая, что под этим что-то таится, все не решался дать свое согласие и на тот раз велел только отвести Фалька в один (другой?) дом, где он (и) провел ночь.

На следующее утро комендант пригласил его к себе в гости, но Фальку (долго) не удавалось убедить коменданта; (наконец), следуя моему приказанию, Фальк сказал ему напрямик, что, если он добром не разрешит мне высадиться и не

⁶⁴ Василий Никитич Зотов – сын воспитателя Петра Великого Никиты Моисеевича Зотова; в 1715 г. назначен «генеральным ревизором и надзирателем указов» при Сенате; состоял генеральным ревизором при производстве первой ревизии (1719 г.); впоследствии казанский губернатор (с 6 авг. 1725 г.), генерал-майор (Сб. Ими. Рус. ист. общ. LXII; Соловьев XVI, 177 и след.).

захочет встретить мою особу (sic), я, будучи послан его величеством королем Датским к его царскому величеству с важным поручением, сойду на берег один, а судно со всем, (что на нем находится), отправлю обратно, и, если это возбудит неудовольствие, ответственность за то перед его царским величеством ляжет на него (коменданта). Тогда он изъявил наконец согласие встретить меня и отослать Фалька обратно с провожатыми на шлюпку.

Насколько я мог судить, комендант отказывался встретить меня и выпустить на берег не столько по неприязни, сколько по невежеству: так как я пришел в сопровождении трех вооруженных неприятельских судов, то он вообразил себе, что датские флаг и судно представляют лишь западню или военную хитрость, скрывающую намерение сделать высадку и захватить его врасплох. Ввиду этого комендант для большей верности послал в Петербург к генерал-адмиралу Феодору Матвеевичу Апраксину⁶⁵ за заключением и приказаниями, что ему в данном случае делать, а поэтому (впоследствии) и задерживал меня до тех пор, пока посланный (в Петербург) гонец не вернулся с ответом.

Получив эти сведения, я тотчас же отправился на берег в шлюпке, вместе с секретарем миссии Фальком. На берегу, возле устья реки, меня встретил капитан-лейтенант Яков

⁶⁵ Феодор Матвеевич Апраксин (р. в 1661, ум. в 1728), брат вдовствующей царицы Марфы Матвеевны (жены царя Феодора Алексеевича); в 1708 г. назначен азовским губернатором; генерал-адмирал, первый граф Апраксин, сенатор (Сб. Имп. Рус. ист. общ. LX).

Андреевич Беклемишев, которому приказано было состоять при мне во время моего путешествия, делать необходимые приготовления и доставлять все нужное. Таких лиц, называемых по-русски *приставами*, в обычае назначать к приезжающим в Россию иностранным посланникам. Солдаты на берегу были поставлены передо мной в ружье. Затем меня пригласили в царский шлюп (Ship), высланный за мной для доставления меня в (Нарву). На нем гребло восемь солдат, одетых в суконные (мундиры) *couleur de feuille morte*, то есть коричнево-желтого цвета, как сухие листья, – с синими отворотами. Таков же был и мундир солдат, стоявших на часах на берегу.

На упомянутой царской лодке я поднялся на веслах к городу, расположенному в двух милях от морского (берега). (Датская) шлюпка и ялик с частью моих вещей следовали за нами. За четверть мили от города была устроена (пристань) для схода на берег. Здесь меня встретил один майор с двумя каретами, принадлежащими коменданту, и с несколькими заводными лошадьми: мне таким образом представлялось на выбор ехать (в экипаже) или верхом. Караулы, мимо которых я следовал, стояли в ружье. Прибыл я в город в 6 часов вечера в сопровождении командора Тамбсена. Там мне тотчас же отвели дом и, для оказания большого почета, поставили у моих дверей стражу из 12 (солдат) при одном унтер-офицере.

После того как я известил коменданта о своем приезде, он

прислал одного майора благодарить меня и сказать, что сам он сейчас меня посетит; однако, после долгого промедления, велел извиниться: теперь-де ему нельзя – (мешают) обстоятельства, вследствие чего он вынужден отложить (свое посещение) до утра. Тем временем он прислал мне разного рода съестных припасов и напитков, меду и водки, а также кухонную посуду, которой я мог пользоваться до своза собственной моей посуды на берег. Пристав, высланный ко мне на встречу на берег, остался при мне для снабжения меня дровами и водой.

4-го. Часов в 9 утра меня посетил комендант; в свите его было несколько офицеров, (приехавших) верхом. Войдя в комнату, как сам он, так и бывшие при нем русские огляделись вокруг, (чтобы отыскать) на стене образ и, когда увидели (его), перекрестились на него и поклонились; затем (комендант) поздоровался со мной. По всей России в обычае, чтобы в комнатах, в углу, обращенном к свету, непременно висело по одному или по несколько образов, на которые входящий, не обращая внимания на присутствующих, как бы знатны они ни были, три раза крестился и кланялся, и тогда уже приветствует и кланяется сперва почетнейшему (из находящихся) в комнате, затем (остальным), каждому особо.

Поклонившись на обе стороны, (комендант) извинился передо мной, что так долго не пускал меня на берег, подозревая во мне шведа, и (на будущее время) предложил мне всяческие свои услуги и внимание. Я осведомился, где могу за-

стать царя, ибо мне приказано было ехать к нему как можно скорее, (а также) попросить (коменданта) сделать распоряжение относительно даровых подвод, помещения и суточных десяти ригсдалеров (in) specie, коими я имел пользоваться в силу заключенного в 1684 году между моим и его государями договора, копию с которого я ему (тут же) показал. Он отвечал, что не знает наверно, где в настоящее время находится царь; требования же мои, касающиеся договора, просил передать ему на письме и обещал послать их с нарочным на заключение генерал-адмирала Апраксина, каковое обещание он и исполнил в тот же день.

5-го. Я был зван на обед к коменданту. Обед происходил по русскому обычаю следующим образом. Прежде чем мы сели за стол, русские много раз перекрестились и поклонились на образа, висевшие на стене. Стол, накрытый человек на 12, был уставлен кругом блюдами; (но блюда) стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободной; на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой стакан (Romer) с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодные соленые яства: ветчина, копченые языки, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено перцем и чесноком. За сей первой переменной последовала другая – из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов. Таким образом порядок блюд за русским обедом совершенно обратен принятому в Дании.

Заздравные чаши пились так. (Сначала) комендант предложил мне (выпить) здоровье царя. Чашу эту, по русскому обычаю, я пил лишь после того, как она обошла кругом всех и была пита всеми. То же произошло вслед за тем при чаше моего государя. Я рассказал коменданту, что в Дании, за посольскими обедами, на которых пьют чаши королей и государей, первую чашу называют *patronanza*, что означает, что чаша пьется вообще за здоровье всех царствующих государей; вторую – *matronanza*, то есть общей чашей королей и принцесс; третью *filionanza*, то есть чашей принцев, – (и что), когда таким образом здоровье королей, королей и принцев пьется зараз, никто из них не умален в чести. Впрочем, я прибавил, что рассказываю это лишь в шутку, а не с тем, чтоб осуждать заведенный у них порядок. (Комендант) принял это весьма хорошо, сказав, что очень желал бы учиться и что несчастлив тем, что не видел света и чужих краев, как то удалось иным его землякам.

После того как мы встали из-за стола и русские снова перекрестились и поклонились на образа, (прислуга) внесла десерт, состоявший из фиников, имбирного варенья, каких-то персидских плодов, соленых огурцов, сырого зеленого гороха в стручках и сырой моркови.

Когда я уходил, комендант пошел впереди меня, ибо у русских принято, что гости, приходя, вступают первыми в дверь; при уходе же их впереди должен идти хозяин, дабы безопасно проводить их из дому. Комендант приказал отвез-

ти меня домой в своей крытой повозке, в которой (перед тем) по его распоряжению меня привезли к нему.

6-го. Так как пятница, а равно и среда, у русских дни постные или рыбные, как у католиков пятница и суббота, то я распорядился через *пристава* (какогого, в сущности, в Дании назвали бы дворецким), чтоб сварили (к обеду) рыбы: однако пристав все-таки обедать не остался, узнав, что у нас в обычае варить рыбу в том же котле, в котором варится и говядина. По его словам, это было великим грехом.

В этот же день на берег доставлены остальные мои вещи и люди при посредстве русской лодки, после того как шведский капитан Анкарстьерна предоставил этой лодке безопасно забирать на рейде мои вещи, в чем выдал мне письменное удостоверение за своей рукой.

7-го. В Нарве я видел многих русских из числа так называемых князей и бояр. (Слово) «князь» нельзя перевести по-датски иначе как *Forste*; тем не менее, в сущности, русские князья вовсе не князья и только наследовали (этот) титул от предков, некогда владевших уделами в качестве незначительных государей. Таких князей в России несчетное множество; по созданной их собственным воображением иллюзии и из гордости, они желают, чтоб их величали князьями, хотя титул этот так же мало к ним и к их положению пристал, как титул императора (*Keyser*) к царю, о чем будет сказано в своем месте.

Что касается бояр, то до нынешнего царствования они бы-

ли в России высшими должностными лицами; в настоящее же время дети прежних бояр сохранили одно свое боярское звание без остальных (преимуществ).

В Нарве подобных князей и бояр великое множество. Относительно их один артиллерийский офицер, по имени Коберг, рассказал мне (следующее). Когда царь лично участвует в каком-либо походе, то в предупреждение мятежа рассылает (рассеянных) по всей России князей и важнейших лиц, в которых не уверен, в Петербург и в иные места, подальше от их имений, чтоб быть уверенным, что в его отсутствие они не составят заговора и не возмутят против него народа. По моему мнению, в России князья то же, что в Англии лорды.

Из многих лютеранских священников, живших в Нарве до взятия города царем, теперь остался только один, именно Генрих Брюнинк⁶⁶, благообразный, ученый человек. Из (гражданских же) властей остался лишь один бургомистр Христиан Гётте⁶⁷.

Богослужение происходит в ратуше, так как обе лютеранские церкви, из коих одна называлась немецкой, а другая шведской, отняты у жителей русскими. (Лютеранская) община невелика, человек в 200; (состоит она) преимущественно из простых ремесленников, ибо прочие (жители),

⁶⁶ Heinrich Bnininck (у Юля Bruning) был впоследствии назначен генерал-суперинтендентом в Лифляндию (см.: H.J. Hansen: Geschichte der Stadt Narva, Dorpat 1858, с. 223).

⁶⁷ Christian Gotte; он, впрочем, был назначен ратманом в Нарве лишь в 1704 г. по взятии нами этого города; бургомистром стал в 1706 г. (см. там же).

обвиненные пред государем в тайной переписке с царскими врагами, уведены и расселены по разным местам России: в Вологду, Астрахань, Казань, Псков. Хотя в данном случае они и не были чисты, как ангелы, однако понесли более тяжкое наказание, чем заслужили. Немало виноваты в этом как местные, так и иностранные и (в том числе?) немецкие офицеры, (добивавшиеся) выселения нарвских жителей в расчете обогатиться их имуществом, которое стало бы добычей (офицеров) в тех случаях, когда (жители) не могли бы взять его с собой; поэтому-то жителей увели (всего) через восемь дней после оповещения о выселении.

9-го. Осмотрел обе городские церкви. Прежде в них совершалось богослужение по аугсбургскому исповеданию; в настоящее же время, по приказанию царя, они освящены русскими священниками, совершающими в них (ныне) богослужение по (обрядам) греческой веры. Как мне сообщали, сначала только одна церковь была передана русским священникам, другую же царь охотно бы оставил за местными жителями; но по проискам генерал-фельдмаршала, немца Огильви⁶⁸, который во время взятия Нарвы⁶⁹ находился на службе у

⁶⁸ Авторский генерал Georg Benedict Ogilvy (р. в 1644, ум. в 1710) в 1704 г. через Паткуля приглашен на службу к Петру в качестве фельдмаршала. О роли его в нашей армии при другом, русском фельдмаршале (Шереметеве) и о борьбе с Меншиковым см. у Соловьева XV, 167 и след. В сентябре 1706 г. он был уволен из русской службы; впоследствии поступил к королю Августу (Сб. Ими. Рус. ист. общ. LXII).

⁶⁹ Нарва взята 29 июля 1704 г.

царя, была отнята у них и другая церковь. Русские, собственно, не нуждались в ней, но, будучи католиком и ненавистником лютеранской веры, (Огильви) полагалось, что если только отнимет церковь у жителей, то со временем достигнет обращения ее в католическую. (Однако) план его не удался: он вскоре оставил службу у царя, и полтора года спустя церковь обращена была в православную. Тем не менее богослужение совершается лишь в одной из церквей, другая же пустует.

Мне передавали также, что русские, под предлогом того, что у них в (самых) церквях хоронить не дозволяется, выкопали с целью грабежа все мертвые тела как внутри церкви, так и вокруг нее⁷⁰. В гробах они искали серебра и денег. Таким образом, по взятии города улицы повсюду были полны покойников и гробов. (Жители) уносили тела своих друзей и знакомых и погребали их за городом, а тех (мертвецов), о которых никто не заботился, русские бросали в реку, протекающую под городом.

10-го. Прибыли сюда из Петербурга два полка пехоты и один полк драгун; этими тремя полками командовали два немецких полковника, а именно von Felsen и Буш (Busk), и один русский полковник⁷¹. Солдаты означенных полков были одеты в мундиры французского (образца), так как по всей

⁷⁰ Здесь, очевидно, идет речь о той церкви, которая с самого начала обращена была в православную.

⁷¹ Бригадир Фельзе командовал драгунским полком (он же бригадир Фельтен, командовавший драгунским полком имени Полонского?), а Буш и русский полковник пехотными полками (Сб. Ими. Рус. ист. общ. L, 77 и 188).

России русское платье упразднено и заменено французским. Чтобы успешнее вести эту реформу, царь велел повсюду в общественных местах прибить объявление о том, как должно быть сшито упомянутое платье, и приказать, чтоб всякого, кто войдет или выйдет из городских ворот в обычном длиннополом русском наряде, хватали, становили на колени и обреза́ли на нем платье так, чтоб оно доставало ему до колен и походило бы на французское. (Исполнялось это) особыми приказными. Царь велел также у всех городских ворот вывесить для образчика выкройку французского платья, которой русские имели руководствоваться, заказывая себе одежду.

Мне равным образом сообщали, что царь запретил всем русским, за исключением крестьян, отпускать себе бороду. До него в России, как в высшем, так и в низшем сословиях, было в обычае носить длинную бороду. Кто в настоящее время желает ее носить, тот должен платить с нее царю ежегодную пошлину в 10, 20 (и) даже 100 рублей, смотря по соглашению с царскими придворными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.